

Хохот степей

Samum

Александра Питкевич (Samum)

Хохот степей

«Автор»

2023

Питкевич (Samum) А.

Хохот степей / А. Питкевич (Samum) — «Автор», 2023

Меня продали. Купили и подарили. Я - вещь в караване купца, который придумал, как избавиться от ненужной игрушки с выгодой для себя. Но все знают, что не будет мне жизни при новом хозяине. И женщинам жаль меня. Спасая от смерти, рабыни и наложницы, не особо надеясь на успех, все же помогают мне бежать из каравана. Я слышу хрип и ржание лошадей позади, крики и свист хлыста, но не могу остановиться, потому, что позади смерть, а впереди горит огонек, вселяющий надежду.

© Питкевич (Samum) А., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	15
Глава 7	20
Глава 8	23
Глава 9	28
Глава 10	31
Глава 11	34
Глава 12	37
Глава 13	40
Глава 14	43
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Александра Питкевич (Samum)

Хохот степей

Ветер пах переменами, ветер пах судьбой.

Глава 1

Хасан догнал караван на другой день. Я не знала, куда отправлял его Хозяин, но обычно этот жестокий человек крутился всегда рядом, то и дело мелькая мимо крытой телеги, в которой мы ехали. Стада овец, множество товаров – караван был гружен от оглобель до самого верха, радуя своего владельца хорошей прибылью, оттого двигался медленно, не торопясь вступать в пыльные, голые земли степей. И это было мне на руку. Даже если Кадэ-фуджин, эта женщина, давно утратившая сходство с горцами под слоями тканей и красок, не сдержит слово, я все равно убегу.

Караван стал на ночлег у негустого леса, замкнувшись кольцом. Шатры для самого хозяина и его жен стояли ближе к центру, мы же, ютясь двумя десятками под одной тканевой крышей, ночевали рядом с отарой, пытаюсь уснуть под блеянье овец. Когда со всеми делами было покончено, а в звездное небо стали подниматься искры костров, явилась смотрительница.

– Со мной иди, Беяз Фаре. И не вздумай глупостей делать, – резкая, сморщенная, как яблоко, эта женщина хорошо исполняла свои обязанности, держа рабынь в страхе и узде. Окинув меня недовольным взглядом, она покачала головой. – Тебя бы приодеть, да не поможет вовсе.

Стараясь не рассмеяться от горечи, я молча встала со своего места, следуя навстречу судьбе. Дома я считалась красивой, желанной невестой, но все изменилось в один миг, стоило попасть в этот караван.

– Молчи и головы не поднимай, – строго инструктировала надсмотрщица, постукивая по бедру короткой плетью. – Кивай и благодари, если к тебе обращаются.

Шатер хозяина, грузного, невысоко паххета с желтой, блестящей от масел кожей, встретил смесью приторных запахов благовоний и жареного мяса, отчего тут же замутило. И вовсе не удивительно, что мне ничего не лезет в глотку, стоит только дыхнуть подобную смесь ароматов.

Сидя на больших, весьма протертых, подушках, купец облизывал жирные пальцы, вытирая их о халат. Напротив, с показательным почтением склонив голову, сидел Хасан, вежливо кивая на слова собеседника, при этом оглядывая внутреннее убранство из под темных бровей так, словно все это принадлежит ему. Не первый раз видя подобное, я была уверена, что не долго осталось ждать смерти хозяину каравана. Не вынесет темная душа молодого паххета такого искушения.

– Привела? Смотри, любимый мой племянник, какую красоту я тебе в подарок приготовил, – в очередной раз обтирая ладони о халат, от чего меня всю внутренне перекосило, проговорил купец.

Хасан вскинул голову, рассматривая меня. Лицо почти не сменило выражения, но я видела, как недобро блеснули темные глаза. Не простит паххет такого подарка. В его глазах я была объедками со стола. Блюдом, что пришлось не по вкусу.

– Благодарю тебя, дядя. Достойный дар, – прижав руку к груди, как полагается ответил Хасан, другой рукой, частично скрытой полой халата, сжимая кинжал. Убьет он его. Как есть убьет. Но мне не было жаль ни одного, ни второго. Глядя на все это со стороны, единственное, о чем мечталось – чтобы ни один, ни другой не достигли края степей, не добрались до порта, где ожидают быстрые корабли.

– Как звать тебя? – стараясь скрыть недовольство, склонил голову на бок Хасан.

– Она Беяз Фаре, благородный воин, – услужливо отозвалась надсмотрщица, отчего удостоилась гневного взгляда.

– Не тебя спрашивал. Как смеешь ты открывать рот, когда не полагается? – позволяя гневу выйти наружу, вылиться на голову надсмотрщицы, яростно вскричал Хасан.

Прислужница рухнула на колени, упираясь лбом в пушистые, запыленные дорогой ковры, дрожа всем телом. Я думала, у нее случится припадок, когда в угловатое плечо уперлась нога Хасана. Правильно. Бойся его. Такой может и зашибить ненароком. Или намеренно.

– Прости меня, о благородный, – причитала женщина, стараясь как-то унять гнев паххета.

– Молчи, глупая женщина. Уведи подарок, что так щедро достался мне от твоего господина. – Отступая назад и опускаясь на подушки, махнул рукой паххет. – Пусть пока побудет со всеми. А как до кораблей доберемся, там и посмотрим, на что она сгодится.

Я с трудом сдержала улыбку, пялясь в пол и стараясь привлекать как можно меньше внимания. Все верно. У Хасана нет здесь своего шатра. Как глава охраны каравана спит он под открытым небом, а даже такую собственность как я, полагалось держать укрытой.

За ужином мне удалось стянуть пару лепешек. Что я с ними буду делать, если не сумею найти воды – не знала, но об этом пока не хотелось думать. Свернувшись в самом дальнем углу шатра, надеясь, что удастся ускользнуть, я постаралась уснуть хоть на пару часов, зная, что сил потребует много.

– Беяз Фаре, – тихий голос Найтэн и легкое касание к плечу, заставили вскинуться, сонно осматриваясь кругом. Стояла глубокая ночь, и в лагере изредка раздавались то лошадиное ржание, то блеянье овец. Из рассеченного бока шатра на меня смотрели, едва различимые в темноте, глаза служанки. – Будь готова. Я вспугну овец, стража отвлечется. Другого шанса не будет.

Совсем еще молодая, не злая, женщина протянула мне кинжал, которым разрезала до этого шатер, и какую-то темную накидку. И то верно, мое светлое одеяние даже в темноте видно издалека.

– Спасибо, Найтэн.

– Только не подведи. Если тебя поймают, никто не спасет. И себя, и нас погубишь.

– Знаю, – едва слышно шепнула, крепче сжимая кинжал.

Ожидание в темноте казалось бесконечным, хотя прошло не более пары минут, когда над стоянкой раздалось встревоженное блеянье овец с другой стороны шатра, и взволнованные голоса стражи. Мужчины думали, что животных напугали степные волки, подошедшие слишком близко.

Окинув внутреннее пространство шатра взглядом, убедившись, что женщины не обратили внимания на этот, почти привычный, шум, глубоко вздохнула. Ни одна из них не выйдет из шатра и не поднимет голову, даже если и правда проснулась.

Пользуясь той тихой суетой, что вдруг наполнила лагерь, я медленно вынырнула в ночь, пригибаясь к земле. Тут же скользнув под одну из телег, пытаюсь унять бешено грохочущее в ушах сердце, накинула темную ткань на голову. До леса было всего-то с пару десятков шагов. Равномерной черной громадой он высился впереди, хорошо различимый на фоне сияющего, такого бескрайнего здесь, звездного неба.

Судорожно дыша, выискивая глазами, где может быть стража, я медленно, стараясь держаться ближе к большим камням, двинулась в сторону леса. Молясь всем известным мне богам, духам, земле и небу, я просила только об одном – добраться до деревьев незамеченной.

Мелкие камни перекатывались под ногами, заставляя дрожать еще сильнее. Казалось, ветер разносит любой звук так далеко, что меня сейчас же схватят, но лес приближался, а криков погони все не было. Может, духи этих мест все же сжалятся надо мной?

Глава 2

ЭргетСалхи

Если бы не нужен был отдых лошадям и не темнота ночи, мы бы ехали дальше, не делая привалов. До улуса было всего-то пара дней, а пройденный путь велик, но скакать без остановки – значило совсем не добраться. Впятером мы сидели у огня, ожидая, когда солнце окрасит горизонт и можно будет тронуться в дорогу. Сейчас, пока мы еще не в чистой и открытой степи, было бы опасно идти в темноте.

Первыми встрепенулись кони, сонно подняв головы и прядая ушами. Так как следить за огнем и стоять на страже был мой черед, я поднял голову от деревяшки, которую стругал, чтобы не заснуть, прислушиваясь.

Шорох, треск веток, тихие охи. Все это донеслось до меня через два десятка вдохов. Кто-то небольшой и явно неумелый продирался сквозь негустой, в этом месте, подлесок.

– Проснитесь, братья, – тихо позвал я, вынуждая храбрых нойонов открыть глаза. Звери не ходят так по лесу, а чужое присутствие в такой час обычно не приносит ничего доброго.

Меховые накидки зашевелились, и, как медведи после снегов, из завалов на меня глянули черные глаза воинов.

– Что, Эргет? – сонно, крепче сжимая рукоять кривого ятагана, спросил Тамгир.

– Слушай, брат.

Звук уже был так близко, что и напрягаться не нужно было. Кто-то шел прямо к нам. Поднявшись, я шагнул ближе к лесу, не чувствуя угрозы, и позволяя братьям отойти ото сна.

Прошло совсем немного времени, когда на поляну, едва дыша, с трудом переставляя ноги в разваливающихся сапожках, вывалилась девушка. Ее огромные глаза в ужасе осмотрели нас, а затем ночная гостья рухнула на колени к моим ногам, хватая за полу кафтана, как за последнюю надежду.

– Спрячьте меня, – тихо, на языке гор, с мольбой попросила она. Первым порывом было оттолкнуть ее, так непривычно и неприятно было поведение девушки, но присмотревшись, я разобрал паххетские узоры в одежде и три косицы, светлого, почти пепельного цвета.

Горянка в одежде восточных купцов? Мы видели ближе к ночи караван, что стоял в стороне от тракта, но обычно рабынь стерегли достаточно хорошо, чтобы кто-то сумел сбежать. Тем более, так далеко.

– Прошу, спасите меня, – в свете огня, что разгорелся с новой силой, получив порцию дров, я сумел рассмотреть многое. На ней не было ни ошейника рабы, ни украшений жены или невесты. Паххеты явно рассчитывали сбыть ее с рук по прибытии на родину.

Выдернув полу длинного кафтана, я отступил на несколько шагов, чтобы рассмотреть беглянку лучше.

Тонкая, бледная. Одежда не дорогая, а украшений вовсе нет. Точно на продажу.

Решив, что небо само должно разбираться с ней, а мне нет дела до паххетской беглянки, я молча вернулся на прежнее место у огня, взяв в руки не до конца вырезанную фигурку.

Девушка так и стояла на коленях, с мольбой оглядывая братьев, что потягивались под меховыми накидками. Ночи даже на окраине степи пока еще были холодными и сырыми. Я почти закончил вырезать нос лисы, когда за деревьями раздалось лошадиное ржание исivist.

Неужто паххеты обнаружили пропажу? Не так и хорошо они следят за своим имуществом, как рассказывают.

Услышала это и девушка, тихо заскулив и прямо на коленях двинувшись ко мне.

– Прошу, спасите. Они убьют меня за побег. Пожалуйста, – тонкие пальцы снова уцепились за одежду, вынуждая поднять взгляд.

Несколько ударов сердца я рассматривал ее лицо, пытаюсь угадать, что помимо страха еще есть в этой маленькой душе, но ничего не смог увидеть там, в глубине. Меня привлекли глаза. Яркие, синие, как чистое вечное небо над головой.

Не совсем определившись, что мне с нее, я откинул в сторону меховую накидку, что укрывала от холода ночью, махнув головой девушке.

Лошади все приближались, и было уже видно, как огни пляшут между деревьев, когда беглянка, наконец, забралась под шкуру. Накинув на нее мех, я молча продолжил вырезать фигурку, кивнув одному из братьев.

Понятливый воин тут же веткой затер слабые следы на песке, скрывая присутствие беглянки от внимательных глаз. Тамгир только покачал головой, но смолчал. Это было мое дело, и брат не станет поднимать шум и спор из-за женщины.

**

Сапожки, совсем не предназначенные для беготни по темным лесам, развалились почти сразу, после того как предраассветная роса промочила тонкую ткань насквозь. Колючие ветки царапали лицо, цеплялись за одежду, но я упрямо брела куда-то вперед. Было неважно, куда бежать, только бы подальше от стоянки.

Долго меня искать не станут, так что с рассветом мне и было только нужно, что укрыться в какой-то тени и переждать. Только планам не суждено было сбыться.

Сперва моих ушей, сквозь сиплое дыхание и треск ветвей под ногами, достиг звук рога, который использовал обычно Хасан. А после, когда сердце забилося, словно набат, я не слышала больше ничего, кроме этого грохота.

Дрожа, спотыкаясь и обдирая руки, я помчалась сквозь кусты. Не знаю, сколько еще времени прошло, но в какой-то момент сквозь темноту мелькнул слабый огонек. Надежда, совсем неоправданная и глупая, вспыхнула в груди.

Продираясь сквозь кусты, не чувствуя гудящих ног, я вывалилась на поляну, где, словно молчаливые боги степей, сидели мужчины, одетые в меха и вышитые кафтаны.

Рухнув на колени перед ближайшим мужчиной, который казался мне великаном, я только и смогла разглядеть, что сапоги с загнутыми носами. Степняков на своей земле боялись даже хитрые паххеты. Поговаривали, что сами духи на их стороне, так что если кто и мог меня укрыть от глаз торговцев, так это они.

Взмолившись, не представляя, что могу предложить взамен, я надеялась только на то, что степняки понимают мой родной язык.

Но нет, мужчина выдернул из моих рук полу кафтана, которую я инстинктивно ухватила, и сел на большое бревно у костра, больше не глядя на меня. Окинув взглядом поляну, я поняла, что никто из присутствующих больше не смотрит в мою сторону, занимаясь только своими делами.

Шум за спиной, лошадиное ржание и треск веток стали громче, изгнав остатки смелости и гордости, что все еще ютились где-то в глубине, я подползла к великану, что первым встретился мне.

– Прошу, спасите. Они убьют меня за побег. Пожалуйста.

Степняк молчал, разглядывая меня черными глазами. Я успела рассмотреть и сложную серьгу в ухе, и какое-то затейливое плетение косиц, и аккуратную бородку, но на лице не дрогнул ни единый мускул, чтобы показать, что меня услышали.

Мгновения тянулись долго, пока степняк вдруг не откинул какую-то шкуру рядом, кивнув туда. Не очень уверенная, что все поняла верно, я сжалась комочком у самой ноги мужчины, когда мех накрыл меня сверху.

Глава 3

К костру выскочили сразу трое, на низеньких тощих лошадах. Видно, привезли собой, из Паххеты, потому что в степи подобные не водились.

– Чистого неба вам, путники, – тот, что заговорил, не спускаясь с седла, даже улыбкой немог скрыть жестокий блеск глаз. Права беглянка: такой убьет, и не задумается. – Куда путь держите?

– Ты для того нас среди ночи побеспокоил, чтобы о пути спросить? – сощурил глаза мой побратим. Тамгиру не понравилось, что я припрятал девушку, но это он мог стерпеть, а вот наглость паххетов – нет.

– Прошу простить нас, дети степей. Не по своей воле мы нарушили покой ваш, – паххет прижал руку с хлыстом к груди. – Ночью сбежала у нас рабыня. Не видали ли вы следов?

– По ночам здесь только глупцы шастают лесами. А рабынь не было, – все так же резко отозвался Тамгир.

Паххет поджал губы, стараясь удержать на месте гарцующего коня.

– А если мы следы отыщем? – тихо, почти проворковал восточник, отчего и братья, и я вскинули головы, внимательно рассматривая незваных гостей.

– Попробуй, паххет, – фыркнул Тамгир, потирая рукоять кривого клинка. – Мы из улуса Чоно. Рискнешь?

Паххет побледнел, даже его загорелая, темная кожа не смогла скрыть страх.

– Простите, дети степей. Сбежала моя невеста. Нужно вернуть беглянку, пока беда с ней не приключилась. – Попытался повиниться паххет, не слишком правдоподобно.

– Невеста, говоришь? Что ж ты так за ней плохо смотрел, что она сбежала? – фыркнул брат, а шкура у моих ног дернулась. Потянувшись, я перекинул ногу так, чтобы прижать мех. Не хватало еще из-за страха или нетерпения в еще большую беду попасть. Взяв заботу о безопасности девушки, глянув на ее хозяина, я не сомневался в своем решении.

– Не было тут ни невест, ни рабынь, паххет, – весомо произнес я, ясно помня, в чем пришла девушка. – Уходи и не мешай людям перед дорогой.

– И все же, если на вашем пути появится пропажа, я сумею хорошо наградить за помощь, – никак не сдавался паххет, сверля нас темными, злыми глазами.

– Иди, паххет. Унес твою невесту-рабыню Колючий Ветер Степей. Не найдешь теперь, – фыркнул Тамгир, коверкая мое имя на горском языке.

Паххет, чувствуя издевку, но не понимая, в каком месте его оскорбили, тронул поводья, уводя своих людей обратно к каравану. Сквозь негустой лес было видно, как почернело небо с одной стороны. Значит, за моей спиной уже должна была появиться светлая полоса наступающего утра.

– *Шутишь, брат?* – без злобы спросил я Тамгира на родном языке, продолжая вырезать лису. Курчавый, с рыжими прядями в голове, Тамгир расхохотался.

– *Всю правду сказал, от слова до слова,* – кивнул другой побратим, поднимаясь и складывая свои шкуры в мешок. – *Что делать будешь со своей находкой, ЭрметСалхи, Колючий Ветер Степей?*

– *Посмотрим,* – убрав ногу с мехов и откинув край шкуры, я с интересом посмотрел на тощую, запуганную девушку.

– *На лису похожа, серебристую. Как та, что по осени к улусу приходила,* – фыркнул Тамгир, кинув один короткий взгляд в сторону девушки.

В чем-то он был прав. Бросив девице флягу с водой, я вернулся к костру. Что с ней делать дальше – сам не представлял. Может, переждет, пока паххеты караваном тронутся, да дальше пойдет? Но, отчего-то, эта мысль казалась неверной.

**

Сидя под меховым покрывалом, дрожа от холода, я пыталась оставаться недвижимой, надеясь, что степняки не выдадут. В горах поговаривали, что паххеты побаиваются местных, которые в любой момент могут лишить караваны права пересекать степи.

Лошадиное ржание и голоса, знакомые, с затянутыми гласными, вызвали новый прилив паники. Что решит степняк, если придется выбирать – я не предполагала.

Разговор начался спокойно, но я не сдержалась, вздрагивая, а через мгновение на меня легло что-то тяжелое, придавив к земле, не позволяя дергаться.

Голоса были приглушенными, слова удавалось разобрать с трудом, но по резким интонациям можно было предположить, что степняки отказали Хасану. Прошло еще немного времени, когда шкура откинулась, и на меня опять, без какого-либо выражения уставились черные глаза. Я ждала вопросов, каких-то слов, но степняки разговаривали только между собой, на своем языке, в котором я не понимала и пары слов.

Кинув мне бурдюк с водой, степняк отвернулся, словно его интерес на этом пропал. А мне было нужно как-то убедить черноглазого забрать меня с собой. Хоть рабыней, хоть девкой при шатре. Домой вернуться было невозможно, а у степняков даже рабы живут лучше, чем госпожи у паххетов. Правда, я не представляла, как убедить в своей нужности этого молчаливого мужчину, что не сказал мне ни единого слова.

**

Я молча сидела у огня, подрагивая от пережитых событий, когда степняки все как-то разом поднялись и отправились седлать лошадей. Мужчины почти не разговаривали, только как-то переглядывались, словно слова им и вовсе были не нужны. Быстро, за пару минут собрав вещи, оставив мне только то меховое покрывало, под которым я пыталась отогреться, степняки оказались верхом.

Оглядев в нарастающей панике стоянку, я поняла, что огонь больше не горит, фляга с водой привязана к поясу того черноглазого, что меня укрыл, а сам он сидит верхом на крепкой, мохнатой лошадке, чуть склонив голову на бок и наблюдая за мной.

Вскочив, в последний момент поймав сползающую накидку, я сделала шаг к нему навстречу, но не решилась произнести ни единого слова. Казалось, нарушать негласное молчание сейчас было самой плохой из идей.

Чувствуя, как от ужаса остаться здесь одной вдруг замерло сердце, я едва не расплакалась, кусая губы.

Сейчас этот мужчина ударит по бокам коня, а к вечеру меня задерут волки. Но даже в такой ситуации это казалось более приемлемым вариантом, чем остаться собственностью Хасана.

Четыре других мужчины уже скрылись между деревьев, выезжая на открытую местность, а я все ждала, молча глядя в черные, такие бездонные глаза.

Вдруг степняк тяжело вздохнул, словно не был уверен в правильности собственного решения, но ничего не мог поделать, и протянул мне руку. Не веря, я сделала еще шаг вперед, стараясь угадать, о чем мыслит этот мужчина, но лицо вновь стало непроницаемым, ставя меня в тупик. Степняк ждал мгновение, а потом вопросительно вскинул брови. Конь под ним загарцевал, отвлекая мое внимание.

Пожав плечами, степняк легко тронул лошадиные бока каблуками, направляясь между деревьев. Вот тогда оцепенение слетело и с меня. Подгоняемая жаром, вдруг вспыхнувшим внутри, я метнулась за ним.

– Стой! погоди! – обзывая себя последними словами, я все же успевала за медленно идущей лошадей.

Степняк не стал больше играть в гляделки, а просто ухватил за протянутую руку, буквально затаскивая меня в седло. Прodelал это мужчина умело, но все же резко. От такого действия на запястье должны были точно остаться синяки, а сидеть перед степняком на лошади было катастрофически неудобно, но я готовилась вытерпеть все, чтобы только не остаться здесь. Особенно когда солнце поднимется в зенит, выжигая степь. Пусть была только весна, пусть его жар был не так страшен здесь, на самой окраине степей, но этого хватит, чтобы меня убить.

Не знаю, на каких богов я надеялась больше, когда бежала из лагеря паххетов, но, видимо, кто-то все же смилостивился над моей несчастной, такой невезучей судьбой.

Мысль, что это все может оказаться просто очередным испытанием, вызывала противный привкус желчи во рту. С трудом удерживая рвотные позывы в пустом желудке, я крепче ухватилась за длинную лошадиную гриву, намереваясь пережить все и добраться до спокойной и мирной жизни.

– *Долго ты, Эрбет, – фыркнул мой рыжий брат по оружию, когда я поравнялся с отрядом, догнав их. – Что, ловить по лесу пришлось?*

– *Нет. Девушка сама не знает, чего ей хочется. То ли сбежать, то ли остаться. Пришлось немного помочь с выбором.*

– *И куда же ты ее денешь? Решил уже? Девушка в доме – либо жена, либо рабыня. В другом случае – беда, – покачал головой старший из нас, Хар Сум, а подумав немного, добавил: – Да и так и эдак, порядка нет.*

– *Да, как человек, у которого две жены, ты это точно знаешь, –* кивнул я, давно для себя решив, что приведу в шатер только одну жену. Все детство я наблюдал, как страдает моя мать от власти старшей жены отца, и не собирался допускать подобного в своей семье.

– *Две жены не так и много. Но гвалта от них, как от сорок на базаре, –* покачал головой Тамгир, что тоже никак не мог выбрать себе девушку для ведения хозяйства.

Остальные покивали, и развели лошадей немного в стороны, чтобы не глотать пыль друг друга. Погода уже несколько дней стояла сухая, так что только проклюнувшаяся трава не могла сдержать песок, что будут поднимать лошадиные копыта, стоит нам перейти на рысь.

Сейчас в степи женщин было меньше, чем мужчин, и девушкам не разрешали самим покидать улусы. Если невест не хватало или не удавалось договориться с соседями, ничего не мешало поймать девушку в степи. Закон силы здесь был беспощаден.

Девушка в моих руках сидела тихо, стараясь лишний раз, кажется, не дышать, и это было смешно, словно я мог забыть о том, что она здесь. Но и к расспросам она явно пока не была готова, так что не стоило и начинать. Меня не сильно интересовало ее прошлое, и мало волновало будущее. Захочет уйти из улуса – пусть идет. Захочет остаться – в шатре матери всегда нужны руки. Если нет, мать мужа найдет. Пусть красота и необычна, но и на такую женихи найдутся. А за пару лет себе на приданное соберет. Моя мать – богатая женщина и не жадная.

После смерти отца, мать смотрела и за моим имуществом, а это не малая забота, так что еще одна толковая помощница лишней не будет. Девушка показалась мне разумной, а в степях это уже не мало.

Беглянка выглядела совсем молоденькой, тонкой, но глаза говорили о другом, так что я пока затруднялся сказать, сколько зим этой беглянке. Да и важно это сильно не было. В степи ты молод, пока силы есть.

Глава 4

Ехать на одной лошади с крупным мужчиной – не одно и то же, что в крытой повозке среди женщин. Тело, и так не отличающееся бодростью и силой, вовсе устроило мне бунт, отдавая болью в каждом суставе. Особенно не радовала спина. А еще страшно, до резей в желудке, хотелось есть. Я даже не могла сказать, что меня терзало больше: голод или усталость.

К середине дня, когда солнце сияло ровно над головой, желудок стал издавать печальные рулады, которые, пусть и не были слышны за топотом копыт, но все же вызывали некоторый дискомфорт и смущение перед степняком.

Кони шли плавно, словно и не копыта у них, а крылья, но с каждым часом все равно я чувствовала себя хуже. Когда солнце стало опускаться к горизонту, единственное, о чем я могла думать – это остановка. Эти мужчины обладали невероятным запасом выносливости, не позволяя себе или лошадям даже короткого передыха.

Вдруг мне в руки толкнули кожаный бурдюк, отчего в теле словно вспыхнули новые силы. Откинув пробку, я жадно глотнула, тут же закашлявшись. В мешке была не вода, как я предполагала, а что-то белое, тут же струйкой потекшее изо рта, кисло-сладкое и немного жирное.

На спину, между лопаток легла крупная ладонь, надавив, а затем медленно поглаживая, пытаясь, видно, помочь с приступом кашля. И все это без единого слова.

То, что мы немного отстали от остальных, я заметила только тогда, когда вновь смогла сесть ровно. Четыре всадника, оставляя небольшие пылевые облака, правили коней к горизонту.

Второй раз я глотнула куда осторожнее, опасаясь подавиться еще раз. Напиток, что оказался мне вкуснее всего, что доводилось пробовать раньше, приятно заполнял желудок, оставляя сладковатый привкус на языке. Я, кажется, могла выпить все, до последней капли, но та же рука, что до этого поглаживала меня по спине, сжала плечо, привлекая внимание. Стоило нехотя оторваться от бурдюка, как в самое ухо мне произнесли:

– Много нельзя. Будет плохо, – вздрогнув всем телом от внезапной волны мурашек, я нехотя закрыла мешок, возвращая его обратно обладателю этого низкого, хриповатого голоса. Когда мужчина говорил с остальными на своем языке, мне не слышались эти урчаще-грохочущие отзвуки, что цепляли до самого низа живота.

Степняк, не подозревая, какие ощущения во мне вызвал всего парой слов, пришпорил коня, нагоняя остальных. Голод немного отступил, и даже, кажется, спина перестала отдаваться такой болью, но теперь во мне появились иные, не менее интересные ощущения.

Солнце почти коснулось горизонта, когда один из всадников, рыжий крупный мужчина, сидящий на лошади как властелин степей, выхватил от седла кривой лук, почти не целясь выпустив стрелу. В воздухе раздался только свист перьев, а через мгновение рыжий дал шпоры коню, отклоняясь в сторону. Свесившись с седла, рыжий степняк подхватил что-то не очень большое, но пушистое, подвесив к седлу.

Степняки загалдели, съезжаясь ближе и над чем-то посмеиваясь, на что рыжий отозвался резким возгласом, заставив одной фразой всех умолкнуть. А мне показалось, что речь снова идет о беглянке. Это все было немного странным, так как несмотря на отсутствие вопросов и то, что на меня никто даже не смотрит, я все равно ощущала себя центром внимания. Никогда не испытывала неудобств подобного толка.

**

Девушка устала. Она передергивала плечами, наклоняла и вытягивала шею, но я ничем не мог помочь. Не рассчитывая, что в пути к нам присоединится кто-то еще, я не мог подгото-

виться к подобному. С полудня у девушки урчало в животе, но давать ей кумыс на такой жаре тоже было делом рискованным. Пусть от того, что был у меня, нельзя было сильно захмелеть, но с непривычки могло быть всякое.

И все же держать ее голодной дальше – означало дожидаться обморока.

Протянув девушке бурдюк, не сдержавшись, покачал головой, когда девушка подавилась первым глотком. Какая неуклюжая и слабая. Видно, сбежать ей удалось только чудом и по милости духов степи.

Когда Тамгир попал в зайца, все засмеялись. Такой мелочи не хватит и на зуб здоровому степняку, так что не стоило и стрелять такую мелкую добычу.

– *Ты так голоден, брат?* – Хар Сум рассмеялся, кивая головой на кусок соленого мяса, что пряталось в сумке рыжего.

– *Даже не будь у меня еды,* – сердито отозвался Тамгир, – *я был бы способен перенести пару дней, но вот маленькая серебряная лисица Эргета, скорее всего, не выдержит долго на таком питании.*

Задумавшись, я был вынужден кивнуть. Пусть у меня и было две сестры, я никогда не интересовался, могут ли они питаться вяленным мясом или нет. Женщины почти никогда не покидали становище, разве только тогда, когда улус переходил на другие пастбища два раза в год. Но и тогда женщины были словно сами по себе. Как свободный мужчина, я занимался охотой или охраной, оставляя заботу о правильном выборе пищи для матери.

– *Удивительно, что ты, не будучи женат, думаешь о подобном,* – заметил коротко стриженный глазастый Молчун.

– *То, что я пока не нашел себе супругу в бескрайних степях, не значит, что я не думаю об этом,* – нехотя признался рыжий. Мы промолчали, зная, как бывает не просто отыскать женщину, способную стать женой мужчины из улуса Чоно.

Старики и шаманы поговаривают, что только боги отмечают путь одаренных. Редко у кого из детей Тенгэр хватит сил изменить судьбу против воли Неба. И это касалось всего, в том числе, выбора жены.

– *Небо темнеет, ветер плотный стал,* – недовольно сощурился Хар Сум, вытягивая руку над землей.

– *Это не кто-то из наших,* – покачал головой Тамгир, вслушиваясь в вой ветра.

– *Но и не кто-то из улуса Шонхор. Их становище слишком далеко,* – кивнул Хар Сум, придерживая коня.

Мы все прислушались к тому, что начинало собираться в небе, но пока было неясно, для чего и кем собираются тучи.

– *Эх, жаль, что до дома не добрались,* – печально вздохнул Тамгир. – *Лето еще не началось, всем бы по улусам сидеть, а они все воевать лезут.*

– *Не торопись, брат. Может, обойдемся разговором и предупреждением,* – я не чувствовал угрозы в том, кто прятался за ветром, только интерес и силу. Но и она была недостаточной, чтобы серьезно противостоять одному из нас. Кто-то из младших семей, из дальних улусов решил, что может играть так далеко от дома.

– *Не думаю, Эргета. До становища два дня, а здесь бродит кто-то из незнакомых нам детей Тенгэр. Неспроста это. Чует мое левое плечо. Неспроста,* – мрачный голос побратима мне совсем не понравился, как и упоминание его левого плеча. Если у рыжего начинало тянуть эту руку, значит, скоро ему предстояло очень сильно устать, пуская стрелы во врагов.

Глава 5

– *Что видишь, брат?* – ХарСум передернул плечом, всматриваясь в степь, где над сухой землей дрожало марево. Было не так жарко, чтобы воздух вибрировал, так что те, кто прятался, сами себе хуже сделали.

– *Визжу конников. Не большие дюжины. На месте стоят и ждут. Знамен нет, так что не скажу, из какого клана, но из детей Тэнгэр только один или два. Один держит ветер степей, а вот второго не могу увидеть. За спинами людей ждет.*

– *Два – это не много,* – кивнул Тамгир.

– *Попробуем поговорить?* – мне совсем не хотелось сегодня хоронить врагов. Последние месяцы только и делали, что воевали, а так близко к дому это казалось неправильным. Впрочем, оставлять врагов бродить так близко с улусом – тоже не дело.

– *Попробуй, если веришь в успех,* – покачал головой ХарСум, усмехаясь. Прислушавшись к шуму ветра, сам себе кивнул. У того, кто пытался укротить ветер, совсем не много сил. Зачем такого посылать на земли Чоно, было мне не понятно, но раз прибыли – стоит разобраться.

– Будешь здесь. Сядешь и станешь ждать, – тихо шепнул на ухо своей лисице, которая явно чувствовала тревогу, но не понимала, с какой стороны ждать угрозу.

– Вы меня не бросите? – тихо, с дрожью в голосе уточнила девушка, пытаясь устоять на дрожащих ногах, когда я ее спустил вниз.

– Стал бы я тратить кумыс на ту, кого собираюсь отдать степным шакалам. Жди, – мне вдруг стало легко и даже весело от всего этого. Задумавшись на мгновение, кинул ей в руки бурдюк, как подтверждение собственных слов. Показалось, что от этого простого действия лицо девушки немного посветлело.

Тронув пятками бока коня, направился в сторону марева, что скрывало от нас чужаков. В отличие от ХарСума, видеть самих всадников я не мог, но мне это и не требовалось.

Остановившись на полпути между братьями и маревом, вытянул руку вперед. Сил сейчас было не так и много, последняя гроза гремела над степью больше двадцати ночей назад, но тот, кто держал ветер с той стороны, был куда слабее.

Повинуясь, воздушное марево, эта ширма, вдруг потянулось в мою сторону, как стягиваемое покрывало, собираясь складками от центра. Колдун с той стороны попытался поймать свое творение, но в небе что-то грохнуло, эхом покотившись по степи, и через мгновение воздушная ширма просто пропала. Пальцы немного жгло от напряжения, но это совсем не шло в сравнение с тем, что мы пережили с братьями недавно, так что я только потряхнул рукой, сгоняя неприятные ощущения.

– Кто вы и что делаете так близко к становищу Чоно? – говорить громко не было нужды. Ветер, мой давний и близкий друг, разносил слова так, чтобы их слышали. Словно ластясь, как пес, выбравшийся из ошейника, ветер путался в волосах, звеня берегами.

– Мы не воры и не враги вам, – тот, кто говорил, тронул бока коня, вынуждая животное сделать несколько шагов вперед, но сохраняя расстояние. – В Чоно прибыли сватать невесту, но девушка отказала. Ее прежний жених умер, а нового она не желает.

– Кого вы сватали? – среди девушек улуса оставалось не так много просватанных невест, кому могли предложить нового жениха.

– ДуЧимэ, – отозвался всадник, с опаской поглядывая на меня.

– И кого же вы предложили моей сестре взамен, что прячетесь за ветром от стыда? – зная характер сестры, можно было догадаться, что ее не порадовали слова сватов.

– Мужчину из хорошего рода. Из семьи Овэ, – голос говорившего стал тише. Посланник явно понял, что неприятностей не избежать.

– Напомни мне, воин, кто остался в этой семье. У старика Овэ три сына, и старшие давно поставили отдельные шатры для своих жен. А младшему едва исполнилось двенадцать. Моя сестра справила двадцать две зимы и отказала пятерым достойным нойонам, а вы привезли к ее юрту мальчишку?

– Не сердись, ЭргетСалхи. Жених остался в стане отца, мы приехали только предложить, – конь под всадником танцевал, чувствуя его волнение, но это не сможет им помочь. Оскорбление было серьезным.

Породниться с моей семьей хотели многие, надеясь, что у потомков, так же как и у меня, проснется кровь Тэнгэр, но присылать мальчишку на десять лет младше?

Протянув руку вверх, растопырив пальцы, я ждал, пока ветер, что дремал на моих плечах, спиралью поднимется выше, ухватив его за хвост. Мирное, игривое создание мира духов в одно мгновение охватило все небо передо мной. Злость подпитывала и меня, и его, застилая пространство над головами безумцев.

– Пошади, Эргет, – тихо взмолился мужчина, дрожа всем телом. Между нами было почти две сотни шагов, но я мог видеть эту дрожь и страх, что сковали его.

– А вы пошадили мою сестру? Явившись в улус тогда, когда меня там нет, опозорили ДуЧимэ перед всем улусом, сделав девушку посмешищем Чоно. Думаешь, могу я простить подобное?

– Мы готовы заплатить за это, – неуверенно предложил посланник, но их улус был беден и не было ничего, что можно предложить в оплату за оскорбление, нанесенное моей сестре.

– Да, вы заплатите, – я дернул небо вниз, чувствуя, как мышцы вздуваются от напряжения. Усталость давала о себе знать.

Тот илбэчин (колдун), что сопровождал моих новых врагов, попытался поймать небо, но ему в плечо, со свистом влетела стрела Тамгира, выбивая воина из седла.

Когда небо рухнуло на головы, половину всадников выбило из седла, опрокинув на землю. Усидело только четверо, и то благодаря слабости, что поселилась в моем теле после стольких дней дороги.

За спиной что-то яростно сверкнуло, на мгновение ослепляя врагов. Это на подмогу пришел ХарСум.

Выхватив кривой клинок, направляя коня только ногами, понесся вперед. Убивать никто не собирался, но проучить наглецов следовало как положено.

Когда, спустя совсем немного времени, все враги сидели на земле, не в состоянии подняться, а Тамгир привязывал их лошадей, намереваясь забрать добычу, я свесился с седла, рассматривая лицо того, кто говорил со мной от лица старика Овэ.

– В качестве извинения я забираю ваше добро. Если захотите выкупить свои мечи – присылайте людей в юрт моей сестры. Ответь мне, жених ДуЧимэ был единственным сыном своей матери?

– Да, ЭргетСалхи, – скрипя зубами и кривя окровавленные губы, отозвался поверженный воин.

– Тогда передай этой несчастной женщине, что ее невестка, ДуЧимэ и ее мать будут рады принять ее в улус Чоно. Сестра моя была помолвлена с сыном женщины пятнадцать лет и получала подарки. Пришло время отплатить. – Выпрямившись в седле, глядя на злых, связанных и раненых мужчин, я не испытывал жалости.

Отстегнув от седла их лошадей воду, бросил пару мешков к ногам неудачливых сватов. Чуть дальше, метрах в трех впереди, в землю воткнулся нож.

– В дневном переходе на восток есть река. Если духи степей и небес будут к вам благосклонны и простят глупость, вы сможете добраться домой. Если же нет – никто, кроме вас самих, не будет виноват в этом.

Повернув лошадь, я послал ее галопом туда, где темной фигуркой на стремительно темнеющем небе ждала лисица.

Глава 6

Когда степняк сказал мне ждать, в сердце закралось подозрение, что все же оставит здесь. Степь, после дня пути, казалась бескрайней, но совсем не пустынной. То и дело на горизонте мелькали темные силуэты животных, из-под лошадиных копыт дважды выскакивали какие-то мохнатые мелкие создания. А один раз мне даже показалось, что я слышу волчий вой. Высокий и пробирающий до костей, хотя до хозяина этого голоса было очень недалеко.

И сейчас, ругая воображение, я представила, как с темнотой вокруг собирается стая зеленоглазых, зубастых волков, желающих растащить мои кости по степи и бросить их на радость злым ветрам, что в грозу гремят останками одиноких путников. Не в силах сдержать дрожь и страх, понимая, что совсем не сумею выжить в этой местности одна, подняла взгляд на мужчину. Черные глаза смотрели с интересом.

– Вы меня не бросите? – вопрос сорвался с губ сам собой, а руки ухватились за кривой носок сапога, ища в нем хоть какую-то опору для шатких ног. Степняк покачал головой и сделал знак отойти.

Отступив на шаг, понимая, что могу просто угодить под копыта коня, если всадник ударит животное по бокам, я стояла, кутаясь все в ту же меховую накидку. А в следующее мгновение мне в руки полетел мешок с кисло-сладким пьянящим напитком.

– Стал бы я тратить кумыс на ту, кого собираюсь отдать степным шакалам. Жди.

В этом ответе мне послышалась насмешка, но я не знала, смеется степняк надо мной или просто так. Конь и всадник отъехали вперед, оставляя меня одну на возвышении, обдуваемую свежим, чистым ветром. Наконец запах лошадиного пота и сырых шкур, чего-то еще кислого и противного, отступил. Я знала, что вся моя одежда пахнет отвратительно, но пока единственное, что было возможно сделать – это подставить лицо ветру.

А потом произошло то, чего никак невозможно было ожидать.

Выехав вперед, оставляя остальных позади, степняк, что спас меня, вскинул руку и словно сдернул покрывало с части неба. Впереди, как небольшая стена, стояла группа всадников. Я могла поклясться, что их не было там всего мгновение назад, но не существовало силы, способной переносить людей и зверей с одного места на другое. А вот сила способная их спрятать – была. Только это знание не добавляло спокойствия.

Когда степняк вскинул руку вверх, дернув небо вниз, я рухнула на землю, прикрывая голову руками от страшного грохота. Все знают, что в степи гроза – это гнев духов, и она убивает любого, кто настолько глуп, чтобы стоять перед духами в полный рост.

Чуть разведя руки, отрывая только голову от травы, пахнувшей пылью, я сумела разглядеть конец стычки. В горах рассказывают много сказок про степняков. В том числе и в моем родном селении. Но я всегда думала, что сказка – это только сказка и не больше. Однако, сейчас, прямо передо мной, там, чуть ниже в степи, стоял тот, кто смог обрушить небо на врагов. И дрался он с тем, кто умел прятать людей за ветром.

В горле пересохло.

Убедившись, что грома больше нет и небо чистое от молний, я уселась на траву, глотнув кумыс. И еще раз.

Внутри разлилось тепло и какое-то успокоение, так что я позволила себе глотнуть еще раз. Для сохранения приятных ощущений.

И вовсе нет ничего страшного в том, что мне встретился колдун. Это даже хорошо. Кто осмелится обидеть девушку, что служит колдуну? В степи таких боятся и уважают. Может, он

меня и не бросит, раз сам сказал, что просто так кумыс не тратит. Осталось убедить, что я полезная. Только как это сделать, если из жизни в степи я ничего не умею и не знаю?

Но теперь это было неважно. Колдун ко мне проявил доброту, значит шанс есть. Степняки не воюют с женщинами. Конечно, становиться рабыней или наложницей совсем не хотелось, но это уже от большого выбора и свободы голова закружилась. Будет нужно – и под шкуры вместе ляжем. Такой мужчина не станет обижать слабых просто так. Да и он показался мне вполне опрятным, несмотря на неприятный запах. Но, справедливости ради, стоит сказать, что я сама пахну не сильно лучше.

Хлебнув еще кумыса, я встала на ноги, удивляясь, что мир вдруг слегка качнулся. Впрочем, напомнила себе, вон там гуляет колдун, мало ли что он сделал с небом и землей. А мне нужно было только убедить его, что я прекрасное и ценное имущество. Решено!

Меня не трогала стычка, произошедшая только что. По всем рассказам, по всем легендам выходило, что жизнь в степи жестока. Впрочем, в горах она не легче или добрее, просто иная. Так что я стояла и, с каким-то искажением зрения, спокойно наблюдала, как мои степняки связывают своих противников, как собирают лошадей, как садятся верхом, и как от общей массы отделяется мой колдун, направляясь к тому небольшому возвышению, где оставил меня.

– Давай руку, – придерживая коня, спокойно произнес степняк.

– Мне впереди неудобно, – фыркнула я, одной рукой подтягивая свое меховое покрывало. Степняк только склонил голову набок, внимательно меня рассматривая.

– И где хочет сидеть ханша?

– В седле! – неожиданно заявила я, чувствуя какое-то тепло и уверенность внутри.

– Правда? А сможешь ли?

Я вскинула голову, уверенно кивнув, но от этого движения почему-то степняк закачался. А потом усмехнулся, разворачивая коня. Прошла всего-то пара минут, как мужчина вернулся, ведя в поводу одну из тех лошадей, что только что были добыты в бою.

– Ну, давай, ханша. Вот тебе и конь, и седло, как ты хотела, – степняк прикрыл глаза, так что мне не было видно ничего, кроме лукавства. Но я твердо решила доказать свою нужность и полезность, так что, одной рукой поддерживая накидку, а другой держа бурдюк с вкуснейшим кобыльим молоком, ухватила за седло.

Первая попытка оказалась провальной. Я не только не смогла запрыгнуть на спину этой невысокой лошади, но и вовсе шлепнулась на попу, удивленно рассматривая, как небо темнеет то с одной, то с другой стороны.

– Все, ханша? – надо мной появилось лицо степняка. Кажется, оно вовсе не изменилось, но я видела смеющиеся глаза. И это задевало.

– Нет. Я сейчас, колдун. Я все сумею. Я покажу, что очень полезна.

– Тем, что забереешься на коня?

– Брат, что у тебя происходит? Нужно отправляться, пока небо не почернело совсем. До стоянки еще пара часов пути, – я с удивлением повернула голову, глядя на рыжего, что подъехал к нам. Оказывается, этот волшебный напиток не только утоляет жажду и придает смелости, но и позволяет понимать язык степей. Никогда подобного не встречала.

Потеряв интерес к лошади, я откинула пробку, заглянув в темноту бурдюка. Может, там тоже прячется волшебство?

– Что с ней?

– Ты был прав, Лисица не может вынести такую дорогу на пустой желудок. Но и кумыс ей пошел впрок. Она пьяна, – усмехнулся колдун.

– А ты забавляешься? Пора ехать. И отобрал бы ты у нее мешок, пока она все не выпила. Утром оба пожалеете.

– Что? Кто лисица, и почему она пьяна? – резко вскинула я голову, осматривая степь вокруг. Никаких зверей, кроме связанных чуть дальше, избитых и раненых степняков, я не видела.

– Да есть тут одна, – фыркнул колдун. Он немного сместился на спине своего скакуна, сев позади седла, и вдруг, одним движением усадил меня впереди. Чудом не выронив драгоценный бурдюк, расплескав немного напитка, я только успела ойкнуть. – Сиди смирно. Сама ты не сможешь сегодня управлять лошадью, но я сделал так, как ты хотела. Посадил в седло.

Наш небольшой караван, пополнившийся десятком вьючных лошадей, плавно двинулся в сумрак, оставляя позади злые бормотания. Но при этом я удивилась, что вслед нам не полетело ни единой угрозы. Впрочем, кто рискнет проклинать колдуна?

Эта мысль показалась правильной, и я, пока смелость плескалась где-то на уровне зрачков, решила перейти к убеждению в собственной нужности и ценности.

– Колдун, а колдун? – дернув плечом, так чтобы зацепить мужчину позади, позвала я.

– Илбэчин. Я не колдую, а только делаю то, чему меня научили духи.

– Хорошо, – я была готова согласиться сегодня со всем на свете, – колдун, который не колдун, а ты богат?

– Можно и так сказать, – с усмешкой проговорил мужчина, сидящий позади. Я с удивлением поняла, что меня больше не смущает кислый запах. Он был неприятен, но больше так не нервировал и не вызывал дурноту.

– Это хорошо. Колдун, а я умею шить, – идти с козырей мне показалось правильным.

– Да?

– Да, – кивая головой, пытаюсь убедить мужчину в правдивости слов, я добила того, что мир закрутился вокруг, а я едва не сверзилась с лошади. С трудом, не без помощи степняка выровнявшись, продолжила: – И доить умею. Я всех доила, даже вредную Белку.

– Ты доила белку? – степняк расхохотался, отчего по спине пробежали толпой мурашки. Обернувшись, насколько позволяло седло, я несильно стукнула степняка кулачком.

– Не смейся, иначе небо упадет на землю! И треснет мне по голове. А я такого не вынесу.

– Небо не упадет, пока я не попрошу. Или пока великий Тэнгэр не пожелает этого. Так что там с белкой?

– Да, она очень вредная корова. Но я ее доила, – выпятив грудь, гордо призналась.

В храме, куда меня продали за жизнь брата, было много коров. Целых двенадцать, но только одна отличалась настолько скверным характером, что к ней боялись подступиться.

– Ах, корова. Ну это уже что-то. И много полезного ты еще умеешь?

– Конечно! – меня распирала гордость, так как я на самом деле могла похвастаться умелыми руками и умной головой. – Умею немного ткать и огород вести.

– Ну да, огород в степи – очень важное умение, – едва слышно фыркнул степняк. – А шкуры скоблить можешь? Нет? А войлок валять? Тоже нет?

– Но я полезная! – Кажется, мой план трещал по швам, но я не понимала, в каком месте ошиблась. Все же сказала верно!

– И что с того?

– Не выгоняй меня, колдун. Я помогать буду. Работать. Только не отдавай меня...

Глава 7

Смешная. Что девушка захмелела, я понял сразу. В глазах сверкала пьяная смелость, а походка отличалась характерной плавностью и некой небрежностью движений.

На меня смотрели совсем иначе, чем до стычки, без страха, с каким-то любопытством, как на нечто новое и необычное. Чаще всего люди боялись илбэчинов, особенно те, кто прибыл издалека, но не эта лисица. Она, кажется, наоборот, распушила хвост и придумала нечто интересное.

То, что для меня, как для богатого покупателя проводят демонстрацию товара с лучшей стороны, я тоже понял почти мгновенно. Девушка веселила, перечисляя свои достоинства раба, при этом как великая ханша требуя к себе особого отношения. Не решив еще, в каком статусе приведу лисицу в свой юрт, я с интересом позволил ей небольшую вольность, ожидая, что же будет дальше.

Даже мой побратим, видя нечто необычное, подъехал поторопить и присмотреться к девушке. Молчавшая весь день до этого, теперь она трещала, как куропатка. Не так раздражающе, но весьма похоже. Тамгир, удивленно глядя на происходящее, даже переключился на общее наречие, подражая и мне, и девушке.

Усадив ее в седло, надеясь все же успеть до темноты на стоянку, я с трудом сдерживал улыбку, которая то и дело растягивала губы. Заставить ее замолчать было бы нетрудно, но слушая несмолкающий щебет лисицы, я чувствовал вкус свободы, ветра и чего-то теплого, мягкого, что пока не удавалось определить.

– ... а еще могу воду носить. Я крепкая, – едва не упав с коня, раскинув руки в стороны и показывая, насколько они сильные, продолжала она.

Вдохнула. Выдохнула и как-то печально добавила, видно, сообразив, что это не самое большое ее преимущество.

– Не очень, на самом деле. В караване совсем есть не могла. Такая гадость все. Перца сыплют, что аж нос сводит, – в голосе была печаль. – У них даже лепешки неправильные. Жирные, чтобы в дороге не сохли. Совсем есть не могла.

– Ничего, в улусе простая еда, но свежая, – и опять я почувствовал какое-то тепло к этой смелой, местами безрассудной, девушке.

– Ты меня не выгонишь? Даже если я шкуры скоблить не умею?

– Посмотрим, – давать четкое обещание, пока не переговорил с матерью, было неправильно. Если девушка не понравится старой женщине – лучше ее кому-то другому отдать. Мать может быть очень, очень суровой и даже вредной.

– Если что, пока не научусь, я могу тебе постель греть, – неуверенно предложила лисица, явно утратив веселье, что кружило голову до того. Как бы не расплакалась теперь. Хмель, он такой. Но не поддеть ее было выше моих сил. Несколько месяцев, проведенных в дороге и лишениях, сказались и на моем настроении. Отказать себе в таком маленьком удовольствии казалось глупым.

– А ты умеешь?

– Что? – растерянно спросила девушка, поворачиваясь ко мне, насколько позволяло седло. Солнце за спиной уже касалось горизонта, рассыпая по степи длинные синие тени. Не успеем дотемна.

– Шкуры греть.

– И там что-то уметь нужно! – шокировано распахнула глаза лисица. В них и впрямь пряталось небо. Потом послышалось недовольно бормотание под нос, слова в котором удавалось разобрать с трудом, но суть была ясна: девушка злилась, что никто толком ничего не объясняет.

Не сдерживаясь, я рассмеялся, поймав через мгновение любопытные взгляды братьев. Да, легким и веселым мой характер назвать было сложно, но эта девушка веселила. Меня привлекало все: от серебристых, сейчас запыленных и спутанных, волос до этой непосредственности, с которой она позволяла себе разговаривать. Пусть в крови все еще играл кумыс, но он был не настолько крепок, чтобы совсем затмить разум.

– И вовсе не смешно. А я все понять не могла, отчего противный купец меня Хасану отдать решил, – ворчала девушка чуть громче. – Никто ни разу не объяснил, что там тоже что-то уметь надо. Смотрительница, старуха, говорила просто: лежи себе и не кричи. Смотри скромно и с улыбкой. Только купец противный, как голову не отворачивать и не кривиться? Фе.

– Обижали тебя там? – Мне показалось, что хмель выветрился достаточно, чтобы мы могли немного проговорить.

– Били пару раз, плетью. А так не особо, – печально ответила девушка, откидываясь в седле и беззастенчиво используя меня как опору. – В монастыре было лучше, там кормили нормальной едой. Хотя зимой было холодно и работать приходилось много. Я правду сказала, пусть чего и не умею, смогу быстро научиться. Лениться не стану. Только не выгоняй в степь и не продавай никому.

– Отчего? Вдруг кто хороший попадется, замуж возьмет? Все девушки замуж хотят.

– Я лучше у тебя буду еду варить и одежду штопать, и знать, за что работаю, чем к жестокому мужу попаду. Тем более, никто меня не возьмет законной женой.

– Почему так решила?

– Порченная я, – я мог себе представить, как скривилась девушка, произнося эти слова. Только то, что важно в Мероне или горах, или у тех же паххетов, не имеет значения в степи.

Голова прояснилась как-то очень неожиданно. Словно кто-то пелену сдернул с глаз. Как совсем недавно колдун завесу перед противниками убирал, так и меня хмель отпустил. Но прислушавшись к себе, я все же удивилась: колдун меня не пугал. Наоборот, те спокойствие и уверенность, что попали в тело из бурдюка с кумысом, остались на месте.

Вспомнив, что уже было сказано, решила, что можно и продолжить разговор, раз он идет столь благодушно. Мало ли как сложится, может, и смогу убедить колдуна, что стою места у огня в его доме. Или где он там обитает. Только бы в жены никому, на самом деле, отдавать не вздумал. Впрочем, для этого вопроса у меня были свои доводы:

– Порченная я, – слова были неприятными, липкими. Я словно до сих пор чувствовала на себе большие лапы купца, но с другой стороны, теперь хоть знала, что ждать от мужчин. Или чего ждать не стоит.

Я не глупая, знаю, что и девки от этого дела удовольствие получают. Но, видать, не со всяким и не каждой так везет. И рисковать ради такой ерунды смысла нет. Лучше у котла сидеть да за порядком следить, а ночами спать спокойно.

– Где? Руки-ноги на месте. Голова тоже. Только кумыс тебе много пить нельзя. Хмелеешь, – фыркнул степняк, словно я на самом деле о своем уродстве говорила, которого и не было никогда. Понравилось в игры со словами играть? Только настрой у меня не тот теперь.

– Ты понял, о чем я говорила, колдун.

– Понял. Но это степь. Здесь сосед у соседа жену украсть может, если сил хватит, а через года два она может обратно вернуться. Все той же госпожой. Иногда и с ребенком, и никого это не смутит. Хорошая жена – большая ценность. За такую можно и юрт, и табун кобылиц отдать.

– Почему так? – я села ровнее, пытаюсь осмыслить сказанное. Чтобы жена стояла, как табун? Да они что, с ума посходили? Столько разве что за королеву просить могут, ну или за какую княжью дочку дивной красоты.

– Потому, что покидая улус, мужчина оставляет все хозяйство жене. И только от нее зависит, как будут вести себя слуги и приумножится ли богатство, оставленное ей. Умная жена

– залог того, что мужчине будет куда вернуться. Дело нойона – оберегать улус, гонять врагов. Или, вот как сегодня, защищать честь рода. Хорошо, если при этом удастся еще и что-то получить, – колдун повел рукой, указывая на десяток лошадей, что стали добычей в сегодняшней стычке.

Я немного помолчала, пытаюсь понять странную логику. Это совсем не походило на то, чему учили в горах. Дома женщина – это просто женщина. Она рождает детей и готовит. Хорошо, если с мужем повезло, как моей матери, и он не бьет да способен поддержать в семье хоть какой-то достаток. Но бывает ведь и иначе. Да и чаще всего так и есть. Сколько себя помню, соседка наша, Милаша, то с опухшей щекой, то с подбитым глазом ходила. И не одна она такая в деревне была, чтобы роптать.

А с этими странными традициями? Что наши мужики стали бы делать, укради у них кто жену? Да и кому она нужна? Когда женщин в деревне не хватает – в любую соседнюю можно наведаться, в каждой второй семье найдется девка на выданье. Никто чужую бабу брать к себе не станет. И уж точно не будет ради нее войну затевать с соседями.

– И что, ты бы тоже за своей женой отправился, если бы ее украли?

– Мою не украдут. В том улусе, где мать с сестрой живут, всегда остается довольно нойонов и илбэчинов, чтобы защитить женщин, – спокойно и уверенно ответил степняк. – Совсем немного времени пройдет, хан под себя все соседние земли подомнет. Не останется у Чоно врагов.

– Вроде умный ты, а так глупо говоришь. Бывает разве, чтобы у мужчины врагов не было? – я фыркнула, плотнее подтягивая свою накидку. – Что вы тогда делать будете? От скуки умирать?

Степняк только хмыкнул, подстегивая лошадь.

Впереди показалось небольшое озеро, чернеющее под вечерним небом. Хорошо. Скоро привал. Жаль, искупаться не получится. Раздраженно почесав плечо, за которое меня умудрились-таки покусать мошки, пока я ждала мужчин, с тоской посмотрела на воду. Ни трава подняться не успела, ни кусты не выросли. А купаться при всех я пока все же не решилась бы. Мало ли, что на самом деле у них в головах.

Глава 8

Сонно моргая, плохо видя в темноте, я едва не рухнула на траву, не найдя равновесия в ногах.

– Ух, – тихо простонала, пытаясь выпрямиться из полусогнутого положения. Спина, казалось, была готова треснуть наполовину, стоит чуть резче дернуться.

Пока я кряхтела и стонала, пытаюсь справиться с собственным телом, степняки успели развести костер и, обшарив седельные сумки новых, добытых пару часов назад лошадей, организовать ужин. Двое занимались табуном, растягивая подпруги и стреноживая лошадей, двое других, переговариваясь на незнакомом мне языке, собирали сухие ветки у берега озера.

– Скоро туман станет, сможешь в озере искупаться, – я вздрогнула, не услышав, как колдун подошел со спины.

– Напугал! – тихо воскликнула я, пытаюсь отдышаться.

– Странная ты. В степь сама бежать не испугалась, а здесь, где тебя никто не обидит, дрожишь, – склонив голову на бок, прокомментировал степняк.

– Кто тебе сказал, что не испугалась? У меня ноги дрожали, пока я из лагеря бежала. А потом и вовсе через шаг подгибались, стоило до леса добраться. А ты... я же тебя все равно не знаю. Хоть и кажешься ты мне человеком честным и справедливым, кто скажет, как на самом деле оно есть.

– И то верно, – фыркнул рыжий, проходя мимо с седлом в руках. Как я поняла, степняки используют их вместо подушек. – Хорошо рассуждаешь, девушка. Правильно. Несмотря на то, что горянка.

– Я хоть и горянка, но в жизни что-то видела. Даже книги читала. Не много, настоятель монастыря, где я три года провела, не сильно это любил, но все же.

– Грамоте обучена, значит? – рыжий укладывал седло рядом с костром, с интересом сверкая черными глазами.

– Да. И не только ей. Вот, пытаюсь твоего брата убедить, что могу при доме служанкой быть.

– При юрте, – тихо поправил колдун, чуть щуря глаза и не встречая в наше общение с рыжим.

– Ну да хоть при шалаше, если обижать не будешь, – пожала я плечами.

Этот вечер был совсем другим. Казалось, чем ближе мы к улусу, тем дружелюбнее и разговорчивей становились эти суровые мужчины.

– И что же, – подтверждая мое мнение, спросил рыжий, отрезая кусок вяленого мяса, что нашлось в сумках, – брат не согласен?

– Да он пока молчит об этом, – печально и тяжело выдохнула я, стреляя глазами в темноту, где слабо различимо виднелась фигура колдуна.

Мужчины зафыркали, как дикие коты, рассаживаясь у огня. Я так и не поняла, чем позабавила степняков, но пока не бьют – разве это важно?

– Садись к огню, ночи еще не теплые, – вернувшись к кругу света, проговорил колдун, бросая на притоптанную траву еще одну шкуру и бурдюк сверху. Заняв место рядом с побратимами, колдун отобрал у рыжего кусок мяса, накромсав тот на длинные, тонкие полоски. – Ешь давай. Такая тонкая и слабая, ты меня не сможешь убедить, что хорошая помощница при юрте.

Я, стараясь сдержать недовольное ворчание, все же уселась рядом, принимая мясо из рук степняка. Страх отступил совсем, осталась какая-то уверенность, что дальше все будет хорошо. По кругу пустили головку козьего сыра, кислого и соленого, но невероятно вкусного после долгой дороги, а затем и мешок, в котором плескался кумыс.

Покачив головой, от последнего я отказалась, вспомнив, как быстро охмелела от пары глотков совсем недавно.

– На полный желудок не захмелеешь, – словно прочтя мои мысли, возразил колдун, предлагая мешок еще раз.

Послушно приняв бурдюк, я неторопливо хлебнула. Этот кумыс был не такой крепкий, и немного слаще, оставаясь послевкусием на языке. Смакуя непривычный, но пришедшийся по душе напиток, я задумалась. Впервые за много лет, сидя у огня в степи, среди огромных, одетых в меха и шкуры вооруженных мужчин, я чувствую себя спокойно и уверенно.

– Как звать тебя, лисица? – спросил хмурый степняк, что казался самым тощим из их братии.

– Да кто как хочет, тот так и зовет, – безразлично пожала я плечом, наблюдая за тем, как к костру возвращается рыжий, неся нанизанную на ветку заячью тушку. Когда он успел разделать добычу? – В караване обзывали Беяз Фаре, бледной мышью. Купец решил, что это мне подходит. Это я сейчас немного загорела, а так и правда бледной была, как в караван попала.

Степняки переглянулись, и все, как один, нагнулись, ближе рассматривая меня в свете костра.

– Она загорела, – фыркнул рыжий, медленно поворачивая заячью тушку. От мяса уже шел умопомрачительный запах, заставляя сглатывать слюну. Все же соленые куски, что колдун нарезал до того, мне не очень шли, застревая в горле. – Я таких загорелых за всю жизнь в степи не встречал.

– Но это правда, – несколько удивленно покачала я головой, не ожидая такой реакции.

– Не важно, – махнул рукой рыжий, – дальше рассказывай. Нас давно не веселили хорошей историей.

– Так кто тебе сказал, что история хороша? Она простая и не очень интересная, как и всякая женская судьба.

– Твоя история еще не закончилась, а ты о ней уже тоскуешь, – покачал головой хмурый. – Как тебя дома звали?

– Дома? Давно это было. При рождении, кажется, Светлой нарекли. Только мать больше все «бедняжкой» кликала. Сетовала, что дочь родилась.

– Почему так?

– Девка в доме – лишний рот, – в этот момент рыжий протянул мне вертел с зайцем, словно подтверждая сказанные слова. Удивленно вытаращив глаза, я смотрела на мужчин. – Все мне?

– Сколько съешь, – пожал плечами рыжий. – Только дальше рассказывай.

– Мать все грустила, – прожевав первый кусок горячего, сочного мяса, продолжила я. – Дочь вырастить дорого, а толку мало. Чтобы замуж хорошо выдать – приданое нужно, а у меня его нет. Не было. Да и потом, до замужества не всякая доживает. Вот как я.

– И что с тобой случилось? Умерла? – участливо спросил рыжий, заставив остальных тихо засмеяться.

– Нет, что ты. Меня в храм и отдали. Брат заболел. Младший. А он опора и надежда родителей на старость. Денег в тот год совсем не было, корова и та, одна осталась. Вот меня и отдали, чтобы выцтец брата спас.

– Спас хоть?

– Конечно. За такую цену попробовал бы не спасти, люди из деревни бы потом ему на две недели перестали подаяния носить, – уверенно кивнула я.

– И много вас там таких девушек было, при храме? – я даже немного вздрогнула, услышав вопрос колдуна, который до этого слушал молча.

– Не очень. За год две-три набирается. При храме всегда и работа, и еда есть, но семьи все же стараются до последнего. Все знают, что девок, если те доживают, потом паххетам продают. За воск, за ткани дорогие.

– И тебя продали?

– Конечно. Три рулона зеленой ткани отдали. Я крепкая. Была.

– А домой не хочешь вернуться? Зачем к Эргету в юрт просишься? – это снова рыжий. Не думала, что такой большой и суровый воин станет так внимательно девку расспрашивать.

Я обернулась на колдуна, чуть голову на бок повернув. Эрбет, значит.

– Так мне домой нельзя! – рассмеялась я. Умом понимала, что они просто не знают, но в голове все же не укладывалось. – Меня за жизнь брата отдали. Если я вернусь в дом матери и отца – духи разгневаются и брата приберут. Что я, глупая, так всех подставлять.

– И что же, вернуться никак-никак нельзя?

– Ну, – я задумчиво обглаживала заячью лапу, чувствуя, что уже сыта, – можно в храм сплатить, только цену такую заломят, что можно дом построить. Да и зачем? В горах можно только с хорошим мужем жить. Так что нет, я лучше колдуну служить стану. Если не прогонит.

Вернув остатки зайца рыжему, я широко зевнула.

**

Дождаться, когда над озером станет туман, у меня не хватило сил. Я так и уснула там, где сидела, кутаясь в шкуру. Мне не хватало ни опыта путешествий, ни выносливости, чтобы чувствовать себя более-менее приемлемо в этой дороге. Кроме всего прочего, впечатлений было столько, что голова была готова лопнуть, как переполненный мешок.

Ночью меня, кажется, кто-то переложил, так как проснулась я с серым рассветом, вполне удобно устроив голову на невысоком седле. На шкуре бледными каплями блестела роса, которая испарится, как только солнце поднимется над травой.

Чувствуя себя пусть и не хорошо, но все же выспавшейся, я села, всматриваясь в догорающее пламя костра. Угли слабо светились, то вспыхивая, то вновь погасая, привлекая внимание.

– Проснулась? – тихий голос колдуна раздался из-за спины. – Не пугайся. Мой черед стоять на карауле.

– Всю ночь?

– Отчего же. Мы меняемся. – Степняк бросил в костер одну сухую, выбеленную солнцем ветку. Над замершей, словно бы сонной степью где-то вдали, раздался резкий, птичий крик.

– Беркут, – тут же определил колдун, глядя на черный силуэт в небе. – Будь аккуратна в степи, Лисица. Такая птица может и на человека напасть.

– Они не боятся людей? – я не верила, что птица может быть такой безрассудной. Это не медведь и не волк.

– А чего им тебя бояться? Тебе-то и отмахнуться от него нечем, – помолчав немного, Эрбет вдруг посмотрел на меня, своими спокойными, черными глазами, которые, казалось, ничего не выражали. – Видела хоть раз такую птаху вблизи?

– Не приходилось.

– В улус приедем – посмотришь. Тогда все поймешь.

– Скоро поедем? – мне вдруг страшно захотелось уединиться.

– Еще нет. Братьям отдохнуть нужно. Да и дороги осталось немного, зачем торопиться? Лисица, на озеро посмотри.

Несколько озадаченная таким обращением и резкой сменой темы, развернулась в нужную сторону. Над темной водой, как разлитое молоко, стояла плотная пелена тумана. Тут же зачесалась и спина, и плечи, словно я неделями не мылась. Это было не так далеко от истины,

так как паххеты давали нам воду для обтирания раз в несколько дней, все неприятные запахи маскируя благовониями, от обилия которых первое время кружилась голова.

– Когда в улус доберемся – будет много шума и совсем не до тебя. Скорее всего, до вечера в юрте просидишь, пока кто-то вспомнит. – Колдун встал, тут же закрыв своей фигурой половину неба над моей головой. – Что с тобой будет – тоже сказать пока не могу. Это уж как мать моя распорядится.

Мужчина отступил на шаг в сторону, а потом мне на колени упала стопка одежды.

– Чистое, в одной из сумок было. То ли в подарок сестре моей везли, то ли для жены кто обнову купил, но если хочешь матери моей приглянуться – все же стоит себя в порядок привести.

Я только открыла и закрыла рот, соображая, что можно сказать этому мужчине. Потребовалось несколько минут отчаянной мыслительной деятельности, прежде чем удалось выдать из себя нечто более-менее подходящее.

– Я тебе очень благодарна. Даже если твоя мать не примет меня в юрт, это все...

– Простого «рехмет» будет достаточно, – перебил степняк, поведя рукой в сторону озера. – Пенных ягод, к сожалению, нет, но уж без этого сумей обойтись. И поторопись.

– Рехмет? – неуверенно переспросила, надеясь, что верно запомнила такое важное слово.

– Рехмет, – улыбнувшись, кивнул Эргет.

Подхватив одежду, скинув шкуру, я несколько растерянно обернулась на спящих мужчин, затем на озеро, еще раз посмотрела на колдуна. Склонила голову в жесте благодарности, и уже развернулась, переступая через седло, на котором спала, как в голове вспыхнула одна мысль.

– А почему «лисица»?

– Сама сказала, кто как хочет, так и зовет. А для степей это хорошее, доброе имя. Такое принесет тебе и богатство и удачу, Серебряная Лиса. МенгеУнэг. Или тебе не нравится? – глаза чуть сощурились, оставаясь узкими щелочками.

– Нет, мне очень нравится, – честно призналась, прокатив имя на языке пару раз. – Красиво звучит.

Улыбаясь от уха до уха, чувствуя, что это имя на самом деле должно принести мне удачу, я даже тихо что-то напевала себе под нос, пока быстро, натирая песком кожу, мылась в остывшей озерной воде. Мелкий, белый до прозрачности, песок прекрасно очищал, позволяя почувствовать себя заново родившейся.

Вставать в воде я не решалась, опасаясь глазастых степняков, так что, пока помылась, чуть не отморозила все на свете, но это не имело значения в сравнении с отсутствием вони и зуда. Наскоро вытершись, натянув чистую одежду, я блаженно выдохнула, поглядывая на кучу лохмотьев, в которые превратился мой паххетский наряд.

Единственное, что пришлось отложить на потом – это мытье волос. Не имея при себе ни хлебной закваски, ни простого яйца я могла добиться совсем не того результата. Пришлось просто разобрать волосы пальцами и сплести в плотную косу, перетянув шнурком.

Когда я вернулась к костру, степняки уже проснулись, неторопливо завтракая холодным мясом. Замерев в шаге у костра, с тряпками в руках, я не могла решить, куда деть вещи.

– Если тебе это больше не нужно, в костер кидай, – заметив мое замешательство, кивнул на слабые отблески пламени рыжий степняк. Прежде чем шагнуть вперед, я быстро кинула взгляд в сторону Эргета, словно нуждалась в его одобрении. Колдун едва заметно кивнул.

Опустив вещи в огонь, я смотрела, как пламя разгорается, растекается по сторонам, захватывая остатки когда-то яркого наряда. Огонь становился то голубым, то оранжевым. А затем вверх полыхнули искры, заставив меня отпрыгнуть.

Мы смотрели, как в небо поднимаются яркие, оранжево-золотые огни, хорошо видимые на темном небе.

– Хороший знак, – пробормотал хмурый Хар Сум, наблюдая за огнями.
Пусть бы так.

Глава 9

Улус мы увидели издалека. Сперва это больше было похоже на россыпь белых пятен на неярком покрывале степных трав, но с каждым шагом, что делали кони, белые пятна росли, совсем скоро закрывая весь горизонт. Войлочные шатры, большие и маленькие, напоминали пики невысоких гор, но от них не тянуло холодом, как дома.

Я еще не видела таких огромных поселений. Чтобы столько людей жило на одном месте? Это казалось безумием. Здесь был не просто город из шатров, это была настоящая тьма!

– Что с тобой?– я невольно прижалась спиной к колдуну, шокированная увиденным.

– Здесь так много людей. Как так можно жить? Из дома выйдешь – потом не вернешься, заблудишься,– представив, как можно заплутать в лабиринте стойбища, я поежилась.

– Это еще не все. Часть семей пока не откочевали с зимних стоянок. Через десяток ночей нас станет вполтину больше,– фыркнул колдун, направляя коня.

Чем ближе мы подъезжали, тем мне становилось понятнее, что все не так просто. Юрты стояли не вплотную друг к другу, а на довольно приличном расстоянии, выстраиваясь группами, кольцом вокруг огня. С такого расстояния я уже могла рассмотреть котлы, по центру каждой такой группы, над которыми поднимался пар. Возле юрт стояли большие бочки, бегали дети. И ходили женщины. Как и в городе, здесь можно было сразу определить статус и достаток каждой. На некоторых – яркие цвета и множество красных и голубых бус. У тех, кто выглядел постарше, на головах, непонятно как удерживаясь, были небольшие вышитые шапочки, с которых по краям также свисали бусины. Пояса, сапоги, рукава – все было покрыто узорной вышивкой.

Но были и другие, одетые в темные, простые ткани. Они сильно отличались от ярких, как птицы, женщин и девушек. Слуги.

Впрочем, я не видела пока ни единого железного ошейника или совсем драной одежды. Пусть наряды были простыми, но все же крепкими и опрятными, а это уже говорило о многом.

– Смотри,–Эргет придержал коня, когда до первых юрт оставалось шагов тридцать. Протянув руку, мужчина указал на столбы, выше мужского роста, что стояли вокруг стойбища на расстоянии в три юрты друг от друга. На каждом столбе красовалась какая-то связка драных лент, очередные бусы и... череп какого-то зверя.

Понимая, что это явно не для красоты – с трудом удержала желание осенить себя защитным жестом. Я больше не в горах, не при храме. Мои боги тут не живут, а местные могут обидеться.

– Это тотем. Пока у тебя нет дозволения моей матери или моего, ты не должна пересекать линию тотемов. Они охраняют улус от посторонних, оберегают от нападения.

– А если все же я перейду линию?

– Ученики шамана поймают и побьют палками, – спокойно произнес мужчина, словно это само собой подразумевалось. – Не вздрагивай. Даже моя сестра не может покидать улус без разрешения матери, а она из благородной и богатой семьи. Этот закон для всех. Иначе не будет порядка.

– Зачем такой закон?– мы въехали на территорию улуса, и я с удивлением отметила порядок и чистоту, что царили в лагере. Да, где-то выделяли шкуры, отчего в нос бил едкий запах мочи, где-то жгли кости, но никакого беспорядка или хаоса. Для каждого дела, казалось, отведено свое место. Инструменты не валялись как попало, за детьми ходили слуги или мамки.

Но гвалт стоял невообразимый. На меня, оглушая, обрушились крики, стук молота где-то за первым юртом, пение, больше похожее на гул, и лай собак.

– Я тебе уже говорил, что невест в степях крадут. Так вот, могут увести все, что плохо лежит или оставлено без присмотра. В улусе это строго карается, потому здесь порядок, но

стоит выйти за границу тотемов, все меняется. В соседнем улусе несколько лун назад девушки выезжали в степь праздновать свой день. Две не вернулись. Отделились от подруг, их тут же поймали. Овец постоянно пытаются увести даже у нашего улуса, так что охрана у отар большая, и псы среди овец ходят. Но глупых и наглых людей хватает. Не ходи сама за тотемы.

Взволнованная, я медленно кивнула. Эргет прав. Мало ли куда угодить можно. А тут он уважаемый человек, никто не посмеет даже рабынь кнутом бить без спроса.

Чем дальше мы продвигались по широким «улицам» улуса, тем ярче становились узоры на стенах юрт, тем больше было пространства на площадках перед входом. Протерев глаза, я с удивлением отметила, что некоторые шатры, юрты, стоят на колесах! Огромная телега, а прямо на ней находится само строение!

Приглядевшись, отметила, что чем ближе к центру мы двигались, тем больше подобных «передвижных» юрт нам встречалось. Да и сами шатры были другими. Их поверхность блестела на солнце, словно была сделана не из войлока, а из глины. Белой и гладкой. Если бы мне кто-то рассказал о таком, ни за что бы не поверила, но собственные глаза не врал. Если мать колдуна позволит мне остаться, нужно будет узнать, что это за чудо такое.

Что меня еще поразило, никто из встречаемых людей не здоровался с Эргетом. Они просто уступали дорогу, двигаясь дальше. Это казалось не просто невежливым, а граничило с грубостью.

– Почему никто не заговаривает с тобой? – не утерпев, спросила колдуна. Оглянувшись, я отметила, что наша компания разделилась, и где теперь рыжий или тот хмурый степняк, я уже не видела.

– Пока мать, как главная женщина в роду, не поприветствует меня, это считается неправильным. Она отвечает за мое благополучие перед духами и богами, хранит очаг. Ей первой и приветствовать.

Мне все это казалось неразумным, нелогичным, но я только тряхнула головой, отгоняя назойливые мысли. Не мое дело.

Здесь на плетеных колесах стояли две юрты. Всего была пара больших, одна из которых была украшена черными узорами, и две меньших. Они стояли вокруг кострища, на котором, опираясь на треноги, висело сразу несколько средних котлов, источавший кисловатый запах. Укрытые белой тканью, котлы стояли без огня, вводя меня в еще большее замешательство. Вокруг шатров сновали служанки и мужчины, одетые в неяркую, но крепкую одежду.

Цветной полог, что заменял дверь в большом юрте, был откинут, и оттуда доносился тихий гул голосов. Стоило Эргету потянуть поводья, останавливая коня, как из юрта, опираясь на руку молодой девушки с некрасивым желтым лицом, покрытым оспинами, вышла маленькая женщина. Она была уже старая, но в теле и взгляде чувствовалась сила.

С головы до ног увешанная украшениями, с каким-то сложным переплетением тканей на голове, она колюче уставилась на колдуна, а потом и на меня. Белая, косматая бровь плавно поползла вверх, создавая причудливый узор из морщин.

– Галуу! Галуу! – старушка громко кого-то звала, с прищуром рассматривая то меня, то степняка. От этого взгляда хотелось ежиться.

Эргет о чем-то заговорил со старушкой, но я не смогла понять ни слова, отчего становилось совсем не по себе. Нужно срочно выучить хотя бы самые основные слова, иначе беды не оберешься.

– Галуу, твой сын вернулся! Негодник, оставил несчастных женщин одних, а сам по степи красавиц собирает, – бабушка громко ругалась, но все же в ее глазах светились тепло и нежность.

– Бабушка, я оставил с вами столько нойонов, что ни один багатур не посмел бы приблизиться к вашему юрту, – спокойно, со смешинкой отозвался, спрыгивая на землю. Я знал, что даже сама бабуля до сих пор оставалась не такой уж безобидной, как хотела казаться. Лук в ее руках гнулся исправно, а стрела находила цель точно. Правда, на охоту эта женщина выбиралась не часто, но никогда не возвращалась без добычи. – *Да и братья не позволят никому обидеть вас.*

– *В них гордости больше, чем ума.*

– Почтенная мать! Ты что такое говоришь? Услышат же, – крепкая, черноволосая женщина со следами морщинок у глаз, богато одетая и статная, вышла из того же шатра. Было видно, что молодые годы прошли для матери непросто, но я делал все, чтобы сейчас она чувствовала себя свободно и могла ходить, гордо держа голову. – *Они тоже твои внуки. Не стоит разносить слухи по улусу, что потомки твоего сына в ссоре.*

– *Всем уже давно все равно на моего умершего сына, и весь улус знает, что я живу в твоем юрте, а не в шатре у Яйе или ее невесток. Покажи, внук, кого ты привел из степи,* – бабушка с интересом посмотрела на меня, а потом перевела колючий взгляд на лисицу, осматривая с ног до головы, словно хотела проникнуть до самых костей.

– *Это МенгеУнэг. Будет жить здесь.*

– *Как невеста? Как рабыня?* – мать чуть склонила голову, рассматривая девушку не менее внимательно, чем до того бабушка.

– *Как свободная девушка. Ты давно говорила, что тебе жаль отдавать ДуЧимэ замуж. Да и скучно сестре одной. Вот пусть вместе и будут. Учатся, гуляют, разговаривают и смеются, как это у девушек принято.*

– *Лучше бы невесту привез, сын.* – Женщина строго свела брови.

– *Не торопись, Галуу. Хорошая девушка при юрте еще никому не мешала. А эта, хоть и тощая, но духами не обижена. Шамана спросим,* – неожиданно вступилась бабушка, наперекор матери, чего обычно не делала.

– *Уведите МенгеУнэг в женский шатер,* – не споря со старшей, махнула рукой мать. – *А ты проходи, сын. Разговор есть*

– *Я вижу, мать, что ты готовишь хурут.*

– *Хан собирает поход. Женщины говорят, что хурута нужно будет много,* – покачала головой мать, входя в юрт.

Глава 10

До юрта матери я так и не успел дойти – только оставил коня, как на меня сверху, с деревянной площадки, прыгнул ураган из бус и ярких тряпок.

– Брат! Почему я узнаю, что ты приехал, от соседей?! – сестра повисла на мне, как репей, ухватившись за шею со спины и обвив за пояс ногами.

– Слезай, вредная. Уже детей нянчить пора, а все сама как ребенок.

– О, да ты же не знаешь, – ДуЧимэ прыгнула, обошла меня кругом, кривя свой носик, словно ветер принес что-то неприятное, – жених мой умер, так что от меня не просто теперь избавиться. Буду я до самой старости у тебя в юрте сидеть.

– Не пугай, иначе Тамгиру отдам женой, как он просит, – сестра не выглядела расстроенной, только обиженной. – И знаю я, что с женихом твоим вышло. Идем, там поговорим, чтобы потом не повторять.

В шатре матери пахло кумысом и ароматным маслом, как я всегда помнил. После яркого солнца, сумрак и прохлада казались блаженством. Скинув верхнюю одежду, оставшись в тонкой тканой рубаше, я уселся за трапезу, которую проворно накрывали служанки. Обе женщины, бабушка и мать, сидели в широких, низких креслах, застеленных дорогими коврами, скрестив ноги под широкими пестрыми юбками.

– Как дорога, сын? – мать подала круглую чашу кумыса, следя за мной своими темными внимательными глазами.

– Я выполнил волю хана. Тотем его предков привезли в улус.

Мать вскинула руки к небу, быстро пробормотала благодарность Тэнгэру. Бабушка только сдержанно кивнула, словно и не сомневалась в этом. В юрт ворвалась сестра, где-то отставшая от меня за те два шага, что нас отделяли на дворе от шатра.

– Что я пропустила?

– Сядь, ДуЧимэ! – строго прикрикнула мать, все же понимая, что бесполезно пытаться унять своего младшего ребенка. Сестра рухнула на подушки возле бабушкиного кресла, вытянув ноги. – Твоего брата могут поставить над десятью тысячами.

– Мать, прекрати. Должность темника – не то, о чем я думаю. Тем более, что Великий хан не пожелает ставить на это место илбэчина.

– Твой дед был и тем, и другим, – как бы между прочим произнесла бабушка, поправляя бусины в косичках сестры.

– Но он к этому не стремился. И это было очень давно.

– Отложим спор. Не нам судить, – остановила все возражения бабушка, подняв руку. – Я слышала, ты что-то говорил о женихе нашей ДуЧимэ. О чем разговор?

Иногда эта старая женщина делала вид, что не слышит ничего, но на самом деле я отлично знал, что не всякая степная рысь может похвастать подобным слухом.

– Мы встретили посланников в дороге. Они рассказали, что вы их приняли не слишком вежливо, – прищутив глаза, я посмотрел на вскочившую сестру. Глаза ДуЧимэ сверкали, на щеках появился яркий румянец.

– Да они – дети бродячих собак! Ты бы слышал, что они посмели предложить!

– Я все знаю. В качестве извинений я привез тебе пять лошадей. Не самые лучшие, но достаточно молодые и крепкие, чтобы унять твой гнев, сестра.

– Почему пять? – разбалованная и гордая, она подскочила ко мне, присев у самых ног, как до этого сидела рядом с бабушкой и матерью.

– Остальных отдал братьям за помощь.

– Хорошо. Умно. – Мать покивала головой, переставляя мне ближе миску со свежими лепешками.

– Не переживай, сестра, в степи найдется муж и для тебя, – я потрепал девушку по волосам, но она тряхнула головой, скидывая руку в показательном гневе.

– Если не найдешь, я уеду в степь, и там меня украдут.

– Иногда я думаю, что это самый верный вариант, – тихо вздохнула мать. – Еще немного – и я сама бы тебя туда отправила, если бы твоему брату потом не было нужно мстить за кражу сестры.

– Спасибо, мать, – я отодвинул в сторону миску с вяленным мясом и сыром. Дома всегда было спокойно, но это спокойствие не могло сохраниться без силы багатуров и нойонов. – Когда хан собирает поход?

– Совет матерей пока молчит. Даже великая мать не знает, что решит ее беспокойный сын. Но женщины готовятся.

– Юрт готов, хатагтай, – с низким поклоном в шатер заглянула служанка. Мать махнула рукой, показывая, что все услышано, но женщина не ушла. – Прости, благородная, что делать с девушкой, что привез наш багатур?

– Пока покорми.

– С какого стола, хатагтай?

– С моего, – я обычно не вмешивался в дела женщин, но мне отчего-то совсем не хотелось, чтобы лисицу воспринимали как рабыню и служанку. Заметив, как расширились от удивления глаза женщины, добавил. – И постель ей в шатре ДуЧимэ устрой. Вместе пусть спят.

– Что? Кого ты привез? Невесту? – сестра аж подскочила. В глазах плескалась обида. Как что-то могло произойти без ее внимания?

– Гостью. И, мать, – сестра больше не слушала. В проеме только мелькнули ее яркие юбки и сапожки с загнутым носом. ДуЧимэ помчалась смотреть на свою соседку, а я повернулся к старшим женщинам, – я пригласил присоединиться к нам мать погибшего жениха ДуЧимэ. Женщина одна, и некому ее защитить.

– Это хорошо, сын. Я вышлю нукеров ей на встречу, чтобы она добралась благополучно.

Довольный таким решением, я кивнул, вставая. Нужно было успеть привести себя в порядок, пока Великий хан не призвал на ковер.

Женщина сперва пыталась объяснить мне все словами, но видя, что я не могу понять ни единого, махнула рукой, просто подхватив под локоть и уведя в войлочный шатер.

До этого внутри юртов я еще не бывала. Первое, что бросалось в глаза – не было столбов. Все как-то держалось само на частых косых рейках, идущих по потолку и стенам, вдоль которых стояли четыре кровати. Почему-то раньше думала, что степняки спят прямо на полу, свалив в кучу меха и одеяла, но все оказалось иначе. Прямо напротив входа стояла какая-то мебель, наподобие квадратного сундука, но, кажется, открывалась она не вверх, а все же вперед. И как оттуда вынимать вещи, все не вывалив?

На этом сундуке тут же стоял кувшин и маленькие чашки. Все полы были застелены яркими, местами выцветшими, но дорогими коврами. По центру же, как основная часть юрта, стояла какая-то железная конструкция, с углем внутри и котлом сверху.

Этот «дом» вовсе не походил на то, что я представляла себе. Никакой грязи, темных цветов, вони. Я была почти уверена, что жить в таком жилище – это постоянно выметать песок из-под ног и терпеть кислый, неприятный запах, но на деле тут оказалось чище, чем в самом святом месте храма. «Дикие» люди степей были опрятнее, чем вытецы из моей деревни.

Я все сидела, рассматривая окружение, не веря, что подобное реально, когда в шатер, словно ураган, влетела девушка. Красивая, невысокая. С черными бровями и ясным взглядом, она по-хозяйски окинула юрт, а заметив меня, радостно взвизгнула и что-то быстро защебе-

тала. В одно мгновение подскочив ближе, девушка поймала мою руку, заставив встать. Потом меня внимательно, с ног до головы и со всех сторон осмотрели, хмуря брови. Замерев на месте, девушка прикусила палец, сморщившись, словно не могла решить сложную задачу.

Меня опять поймали за руку и подтащили к пятну света, что попадал через отверстие в крыше. Солнечные блики, упав на лицо, ослепили на несколько мгновений, вынудив зажмуриться. Но тут раздался восторженный громкий вопль и вновь щебет, что так не вязался с грубым звучанием слов. Девица рассматривала мою косу, широко распахнув глаза.

Я не боялась, а эта непосредственность и живость были такими неожиданными и приятными, что невольно губы растянулись. Заметив это, девушка, наконец, на мгновение остановилась, ответив широкой, открытой улыбкой. А затем порывисто и крепко обняла.

Стоило ей отступить, как на меня вновь полился поток слов. Поймав мою ладонь, девица потянула прочь из шатра, не замолкая ни на мгновение.

Глава 11

Следуя за девушкой, как привязанный барашек, я пыталась хоть немного понять, что она говорит, но даже отдельных слов разобрать не получилось. Несколько раз мелькнуло имя колдуна, но в каком контексте все это было сказано, я не понимала. Когда мы подлетели к очередному небольшому шатру, украшенному черно-красными узорами, я все же потянула за руку эту неугомонную девушку, заставляя остановиться. На меня посмотрели удивленные огромные глаза, и поток слов повторился вновь, вызывая легкое головокружение. Строго подняв ладонь, я свела брови, вспомнив, что такая манера лучше всего работала с детьми.

– Я тебя не понимаю,– произнесла, громко и четко, выговаривая слова. Черные брови взлетели вверх.

– Не-по-нима-ю, – повторила красавица медленно, чуть склонив голову. Лицо выражало такую смесь эмоций, что я невольно улыбнулась. Какое живое создание. Через несколько мгновений серьезных раздумий, девушка просияла улыбкой, явно решив задачку. – Ты не говорить. Я говорить. Я учить.

– Ты знаешь мой язык?

– Знаешь. Плохо. Но говорить,– было видно, что слова подбираются с трудом, собираясь только в короткие фразы, но это уже было что-то.– Я – ДуЧимэ. Эргет– брат.

– Теперь понятно,– впрочем, я догадалась еще раньше, по схожести черт и тому, как смело и легко себя вела девушка в общении. Проведя рукой, окидывая пространство вокруг, я вопросительно подняла брови.– Куда идем?

Показалось правильным говорить с ДуЧимэ теми же простыми выражениями, чтобы нам обоим было легче.

– Ко мне. Жить рядом. Ты – гость. Эргет говорить, – меня вновь потащили к юрту. Внутри было не так просторно, как в том, где я сидела до этого, но убранство оказалось куда богаче. На кровати, отделенной тонкой газовой тканью, лежали шкуры, с потолка свисали масляные светильники на цепях, сейчас погашенные. Стоял красивый резной столик, этот сундук с дверцами, и везде, буквально везде, по ковру были раскиданы большие подушки.

– Жить здесь, – уперев руки в бока, уверенно кивнула ДуЧимэ.

При нашем приходе какая-то женщина, довольно скромно одетая, встала с ковра. Она что-то шила, пока мы ее не побеспокоили. Склонив голову, женщина ждала, не поднимая глаз. ДуЧимэ что-то громко приказала, но в голосе я не услышала чрезмерной резкости. Это говорило о всей семье колдуна очень положительно. Кажется, я не ошиблась в своих суждениях.

А между тем девушка только начала свою бурную деятельность. Подскочив к сундуку с дверцами, степнячка распахнула створки. Внутри, как я и предполагала, оказались полки, на которых лежало множество всего. Однако ДуЧимэ осталась недовольна тем, что увидела. Не закрывая створки, девушка метнулась дальше, за кровать. Там оказался самый настоящий и вполне привычный мне сундук, из которого на постель полетели, одно за одним, штанишки, платья, какие-то яркие рубахи.

Вытягивая один наряд, степнячка разворачивала его за плечики и внимательно рассматривала. Потом бросала взгляд на меня, и, скривившись в недовольстве, отбрасывала в сторону, на кровать, словно ее не устраивало увиденное.

Через несколько мгновений за спиной раздалось громкое покашливание, заставившее меня отскочить с прохода, где я все еще стояла, наблюдая за происходящим. В юрт вошли сразу три женщины. Проворно, не мешая друг другу и действуя слаженно, они быстро собрали подушки, освободив место напротив кровати ДуЧимэ.

Придирчиво осмотревшись, старшая из женщин хлопнула в ладоши, и в юрт двое мужчин, не поднимая глаз, внесли еще одну постель. Прошло совсем немного времени, а с косого потолка уже свисала вторая газовая ткань, отделяя новое ложе, устланное дорогами, блестящими мехами. Потом появился еще один столик, на резных ножках и еще один сундук.

ДуЧимэ смотрела на все это внимательно, скрестив руки и прижимая к себе очередной наряд. Когда в юрте остались только та служанка, что шила перед нашим приходом и старшая из женщин, тоже явно служанка, но с украшениями на шее и вышивкой по поясу, девушка выдала какую-то очень длинную и витиеватую фразу. При этом по голосу слышалось, что служанка занимает не просто высокую должность, но пользуется уважением ДуЧимэ.

Внимательно выслушав, женщина кивнула, повернувшись ко мне.

– Молодую госпожу зовут МенгеУнэг? – в голосе не было раболепства. Достоинство и сдержанность, кажется, стали основными принципами этой женщины. Понимая, что она совсем не так проста, как можно подумать, я невольно поежилась.

– Так сказал Эргет.

– Если наш илбэчин сказал, значит так и будет, – медленно склонила голову служанка таким жестом, словно была королевой соседней страны, никак не меньше. – Молодая госпожа говорит, что теперь ты будешь жить здесь, вместе с ней. Позже тебе предоставят служанку, когда сумеем отыскать ту, что хорошо знает язык. Но все же стоит как можно быстрее выучить слова степей.

Видя, что женщина ждет ответ, я тихо пробормотала.

– Я это понимаю.

– Также должна сказать, что мне пока не очень ясно твое положение в улусе, потому стоит быть осторожной и не заводить врагов. Слушай молодую госпожу и не ходи одна. – Дождавшись очередного кивка, женщина продолжила: – Молодая госпожа сокрушается, но пока тебе предстоит ходить в той одежде, что на тебе, так как ее цвета совсем не сочетаются с твоими волосами. Пошить новое платье займет этот день и ночь. Утром тебе принесут наряд. Но вот умыться нужно. Мы не дикие люди. Грязь порождает болезнь, а болезнь порождает мор. Нужно поддерживать чистоту. Запомни.

– Я не неряха, – позволила себе тихо возразить я.

– Это мы посмотрим, госпожа МенгеУнэг. Степь быстро показывает, кто есть кто. Небо близко, прямо над нами, и в нем отражается все. Мое имя Джай, и я смотрю за слугами. Если будешь недовольна чем – говори мне.

– Рехмет, Джай. – Впервые оказавшись в ситуации, когда я вдруг стала госпожой, пусть и весьма условно, я не знала как себя вести, но слово, которому научил колдун, оказалось к месту.

– Не благодари. Постарайся, чтобы от тебя не было беды добрым людям. – Женщина, кивнув ДуЧимэ, что внимательно слушала наш диалог, направилась к выходу. Не дойдя всего-то пары шагов, Джай обернулась, словно вспомнила что-то важное. – Вечером будет праздник. Не выходи из юрта сегодня. Пока у тебя нет платья и служанки, пока на тебя не посмотрел шаман, не стоит притягивать злых духов. Поняла?

– Да, Джай, – я чувствовала затылком и левой пяткой, что мне совсем, совсем никак нельзя ссориться с этой женщиной. Если в случае с ДуЧимэ, такой живой и энергичной, все было как-то более понятно, то от этой женщины веяло не просто силой, но и какой-то страшной тайной.

Когда мы остались вдвоем, ДуЧимэ подошла ближе. Все те платья, что она вынула из сундука, так и остались на кровати.

– Джай – мудрая. Слушать.

– Да, я поняла.

Степнячка серьезно кивнула, а затем, словно ей было тяжело держать подобную мину, расцвела улыбкой. Указав рукой на подушки, девушка, едва не подпрыгивая от нетерпения, подбежала к своему сундуку, вынув оттуда меньшую шкатулку. Через пару мгновений у меня на коленях оказался резной деревянный гребень для волос, от которого очень вкусно пахло лесом, и небольшая палочка, назначения которой я не могла понять. Сверху легла грубоватая, выбеленная ткань, вышитая по краям цветами.

Поблагодарив ДуЧимэ за подарки, я с недоумением рассматривала палочку, пытаюсь сообразить, что чего она может использоваться. Но идеи не появлялись.

Видя мои трудности, степнячка присела рядом, прихватив еще одну такую же палочку из своего сундучка. Содрав зубами кору с края, ДуЧимэ принялась ее жевать, пока кончик не распался на волокна, став лохматым, как коровий хвост. А вот после этого началось что-то странное: девушка стала возить палочкой по своим зубам. Словно натирала поверхность зуба и одновременно выколупывала остатки пищи. Я видела подобное впервые в жизни. Обычно, если что-то застревало в зубах, это просто ковыряли ногтем или тонкой палочкой, но держать в доме, в шкатулке, специальное приспособление – кому могло прийти подобное в голову! Дикари.

– Мисвак,– девушка продемонстрировала мне палочку, широко улыбаясь белыми зубами.

– Мисвак? – я с сомнением посмотрела на палочку в собственных руках. Какой смысл елозить по зубам веткой? Разве не достаточно прополоскать их водой после еды.

Степнячка фыркнула и подскочила с подушек. Когда девушка вернулась, в руках у нее было круглое, оправленное в блестящий металл, зеркальце размером с ладонь. Я такого даже у нашего вычтеца не видела. А как оно отражало! Это было не то же, что натертая до блеска медная пластина. Я словно глядела на себя, сидящую рядом с ДуЧимэ.

Первыми в лицо бросились грязные пятна на щеках и растрепанные волосы. Не удивительно, что колдун предложил мне помыться. Должно быть, я выглядела совсем отвратительно в тот момент.

Степнячка, еще раз громко фыркнув, повертела зеркалом.

– МенгеУнэг,–весело позвала она, и опять растянула зубы, демонстрируя мне невероятную белую улыбку. А затем кивнула мне, предлагая повторить то же самое, пошевелив зеркалом на ручке. Выставив зубы, я внимательно уставилась на отражение, а затем перевела взгляд на белую улыбку степнячки. Теперь мне стало понятно. Мои желтоватые, такие привычнее, как у всех в горах, зубы, оказались просто недостаточно чистыми? Но даже у паххетов я не видела, чтобы кто-то тер их палочкой!

– Мисвак,– повторила степнячка, медленно демонстрируя процесс еще раз. Я только кивнула, постаравшись сделать так же, как и она. У палочки оказался легкий, сладковатый привкус, а во рту тут же собралась слюна. Но все же мне понравилось, как ощущается рот после всего.

Мы еще не успели покончить с этой процедурой, как в юрт вошли две служанки. Одна несла таз, а вторая – два кувшина, от одного из которых шел сильный запах скисшего молока. На мой удивленный взгляд ДуЧимэ, озорно улыбаясь, подергала себя за косу. Все ясно. Теперь меня будут учить правильно мыть волосы.

Глава 12

Оставив мать и бабушку заниматься подготовкой праздника, ушел к себе в юрт. Мой шатер, как и у ДуЧимэ, был небольшим. Только самое необходимое. Великий хан часто устраивал походы или отправлял меня по делам улуса, так что я и вовсе ночевал в юрте не часто.

Скинув грязную одежду у самого входа, зная, что ее почти сразу заберут в стирку, подошел к бадье с водой. Слуги свернули часть ковра, чтобы вода не попадала на редкий узор. Рядом стопками висели полотенца и стоял кувшин с чистой водой. Все знали, что я не терплю посторонних во время умывания, так что юрт был пуст.

Проведя рукой по плечу, скривился. Узоры зудели и чесались. Слишком много сил потрачено, а грозы не было в степях давно. В первый раз с того дня, как Небо даровало мне эту силу, кажется, рисунки оказались такими бесцветными. Ощущение внутренней пустоты было неприятным, но пока с этим ничего не поделать.

Смыв с тела грязь, нанеся мазь на раздраженную, стянутую шрамами кожу, быстрее натянул свежую рубашку, слыша, что за войлочной стеной шатра намеренно громко переминается с ноги на ногу посланник хана. Слуга не осмелится войти, пока не позволю, но и заставлять ждать дольше, чем нужно, все же не стоит.

– Войди, – вытирая влагу с волос, крикнул я.

Полог шатра тут же откинулся, впуская согнутого едва ли не наполовину мужчину. Гладко выбритый, шуплый, с хитрым прищуром узких глаз, этот человек был любимым рабом хана. Самый доверенный из его людей, но все же лишенный свободы. Это лучше всего напоминало мне, что стоит быть внимательным к словам и действиям. Стоит оказаться не там, где нужно, как на твою шею тут же попытаются натянуть кольцо. (рабский ошейник)

– Приветствую, славный ЭргетСалхи. Пусть Вечное Небо будет к тебе благосклонно.

– Тебе ли не знать, Мэлхий, что Небо ко мне всегда благоволит. Говори, зачем пожаловал. – Мы оба знали, для чего раб и слуга хана явился ко мне в юрт, но слова все же должны быть сказаны, чтобы иметь силу.

– Ты, как всегда горяч и нетерпелив, илбэчин, – прищелкнув языком, позволил себе высказаться раб.

– Оставь длинные разговоры для других шатров, Мэлхий. Я не обязан перед тобой рассыпаться в словах.

– Твоя правда, илбэчин, – немолодой уже, мужчина улыбнулся так, что тонкая кожа натянулась на лице. – Ты не обязан говорить. Но все же, я тебя прошу послушать глупого и слабого человека, что пришел к тебе.

Я удивленно вскинул голову, отбросив сырое полотенце. Мэлхий не тот, кто станет приносить себя без причин. Он прекрасно знает, что по одному его слову могут казнить целый род и хан может даже не потребовать доказательств. Пусть я и позволял себе грубость в разговоре, но мы оба понимали, что скорее почти равны. Но теперь, когда он произнес подобное, мне стоило куда более серьезно отнестись к происходящему.

– Что ты хочешь мне сказать, Мэлхий? Что случилось в улусе, пока меня ветры гоняли по степи под Вечным Небом?

– Великий хан собирает поход, – вскинув голову, громко произнес слуга, кося глаза на прикрытый выход из шатра. Ясно. С той стороны не просто сопровождение, а те, кто может донести хану или другим заинтересованным то, что будет произнесено.

– Мать говорила об этом.

– В поход пойдут многие тысячи, – глаза раба сверкали в темноте, выражая предостережение, – и поведут их великие багатуры.

– В войске хана хватает храбрых мужей, – я все еще не мог угадать, куда клонит Мэлхий.

– И могучих илбэчинов, – кивнул слуга хана. На несколько мгновений в юрте повисло молчание, а затем раб, словно сказал все, что планировал, продолжил с другого конца. – Великий хан хвалит тебя за то, что ты выполнил его волю, вернув тотем предков в улус. Мой господин приглашает ЭргетаСалхи, Колючий ВетерСтепей, в свой юрт, отведать кумыс и мясо молодого барашка.

– Передай Великому, что я с радостью откликаюсь на его предложение, – прижав руку к сердцу, я положено поклонился на это приглашение, но все же не отводил взгляд от лица раба. Что-то в глазах Мэлхия не давало мне покоя. Как и тот разговор, что остался незавершенным.

– Мой господин ждет тебя к вечерней трапезе, илбэчин. Откажись от награды, – последняя фаза была произнесена едва слышным свистящим шепотом. Так тихо, что я даже сомневался, что и правда услышал именно то, что мне показалось. Но темные, колючие глаза смотрели так внимательно, что все сомнения пропали. Пока меня не было в улусе, что-то произошло.

– Кого еще великий хан приглашает на праздник?

– Своего племянника, – раб прикрыл глаза и растянул губы в улыбке, показывая, что я понял верно. – И твоих братьев. Родных и тех, что делят с тобой тяготы дороги.

– Я приду. Поблагодари Великого за приглашение от моего имени. И, Мэлхий, пусть Небо бережет тебя от грозы.

Раб склонил голову, оценив пожелание, и, пятась, вышел вон. Мне же стоило серьезно подумать.

Было ясно, что слугу прислал хан. Он же и повелел ему передать предупреждение. Раб безоговорочно и до самого кончика носа предан Великому, но, видно, что-то заставило нашего господина действовать так, раз он решил меня предостеречь перед самым праздником.

Что я знаю?

Не так и много. Великий должен вручить мне награду за то, что тотем предков вернулся в его род, в улус. Это первое. Самое очевидное, что мне должны предложить свободное место темника. Но соглашаться не стоит.

В улус приехал племянник хана. Сильный багатур с большим числом нойонов под своим командованием. Это тоже важно.

Как и то, что место одного из темников, что мне будут предлагать, все еще свободно. Это богатое место, сильное. Много власти. Но и зависти много. И руки связаны. Темник всегда на виду.

Жаль, нет возможности поговорить с ханом с глазу на глаз, но в улусе даже камни слышат. Только на охоте слова могут произноситься без опаски. Там их слышит только Небо.

Растянувшись на кровати, ожидая, пока слуги приберут после купания, я думал, закинув руки за голову. Грядут перемены. Мы давно готовились к ним. Хан собирает силы, намереваясь собрать орду воедино и подмять под себя соседние племена. Объединить и сделать степь великой и крепкой, а это требует не только силы, но и хитрости. Видно, я все же не знаю чего-то, раз меня предостерегают так открыто.

С улицы послышался женский смех, отвлекая от размышлений. Голос ДуЧимэ я узнал сразу. Мне было немного жаль сестру, такую живую и чистую. Старшая дочь нашей матери уже давно нянчила двоих детей, а у этой все никак не складывалась судьба. Но и отдать ее, такую веселую и светлую, кому попало я никак не мог. Глупый мужчина ломает ее дух, а гордая ДуЧимэ этого не переживет. Трудно найти нойона, который бы смог по достоинству оценить такой подарок. Мать понимала это не хуже меня, потому и оттягивала свадьбу.

Иногда мне казалось, что в сестру вселился дух какой-то птицы, когда она родилась, – столько в ней было свободы.

Второй голос я тоже узнал, хотя звучал он не совсем так, как раньше. Медленно, несколько криво повторяя слова, Лисица тоже смеялась. Ей, кажется, было легко в обществе моей неугомонной сестры. Что ж, это радовало. Пусть пока и не мог сам себе объяснить, для чего привез эту необычную девушку в свой дом, меня успокаивало ее присутствие. Словно МенгеУнег могла сберечь моих родных, пока я сам буду в степи, с ордой Великого хана. Глупая мысль, но она так крепко зацепилась за голову изнутри, держась за уши, что мне никак не удавалось от нее избавиться. Может ли девушка из чужого народа, которая не знает духов и традиций, стать оберегом для семьи?

Глава 13

Волосы едва успели высохнуть, как в юрт забежала служанка, нервно теребя рукава.

– Хатагтай ждет. Шаман пришел,– как я поняла, в улусе многие худо-бедно говорили на моем языке. От этого собственное незнание «слов степи» казалось несколько постыдным.

– Идем, идем,– торопливо подскочив, махнула рукой ДуЧимэ. Поймав меня за запястье, девушка быстро потянула на выход.

Я понимала, что приход шамана считался важным событием, но отчего было нужно так нестись, едва не падая и спотыкаясь на каждом шагу – непонятно. Мы чуть притормозили у самого входа в большой юрт, ДуЧимэ глубоко вдохнула и выдохнула, поселив и внутри меня некую легкую панику. Я не боялась встречи с матерью Эргета, не нервничала, когда меня отвели сперва в юрт для слуг, а потом в шатер девушки, но сейчас внутри поднималось что-то горячее, заставляющее кровь быстрее бежать по телу.

Вытерев ладони об одежду, что мешковато висела на моем теле, я, вслед за степнячкой, вошла в шатер.

Этот юрт был значительно больше того, в котором мне предстояло жить с сестрой колдуна. И богаче. Яркие ковры устилали весь пол, перекрывая друг друга, всюду лежали большие подушки. С двух сторон от опорных столбов, украшенных искусной резьбой, висели целыми гроздьями светильники, наполненные маслом. По центру, явно принесенная сюда к случаю, стояла жаровня, в которой тлел яркий уголь.

– Проходи. Стань в центре, МенгеУнэг,– чисто, почти без акцента произнесла мать Эргета. Не осмеливаясь ее послушаться, я шагнула ближе к жаровне, скосив глаза в сторону. С одной стороны сидела та маленькая, пожилая жена, что первой встретила нас по прибытии, а напротив, склонив голову на бок, сидел старик. Его лица я не могла разглядеть целиком, только небольшие части. Вся одежда, головной убор, что закрывал лицо, состояли из длинных тонких полос кожи, к которым кое-где крепились какие-то бусины или колокольчики. Из головы же, непонятно как удерживаясь, торчали длинные, черные перья, придавая шаману этим еще меньше сходства с человеком. Я понимала, что это только наряд, но все же по спине пробежала неприятная волна мурашек.

Мать колдуна что-то сказала дочери, и девушка вышла вон, опустив за собой полог и оставив меня в полумраке юрта. Я понимала, что в случае чего степнячка не станет мне защитой, но все равно стало еще более неудобно.

– Серебряная лисица?– голос у шамана был таким же потусторонним, как и сам его вид. Скрипучий, высокий, насмешливый. Мне казалось, что это камни перекатываются в горах, спотыкаясь друг о друга и стачивая бока. Я чувствовала, что меня рассматривают, но не могла понять, какие чувства испытывает тот, кто смотрел. Казалось, старик находится сразу со всех сторон, хотя я точно видела, где он сидит. – Как тебе нравится твое новое имя, девушка?

– Больше, чем прошлое. И больше чем то, что было до него,– я не собиралась так отвечать, но за язык словно кто-то тянул, вынуждая произносить слова. Перед глазами все немного плыло, так что было сложно удержать взгляд на чем-то одном. Я тряхнула головой, пытаюсь сосредоточиться, но везде, куда я ни поворачивала голову, мне мерещились кожаные полосы с колокольчиками и темные глаза позади этой завесы.

– И сколько у тебя было имен, девушка?

– Три. Или четыре. Тебе ли не знать, старик, – губы выплюнули слова, и я сама ужаснулась тому, что произнесла. Я вовсе не хотела этого говорить, понимая, что подобная грубость может стоить жизни, но слова были сказаны, и их было не вернуть.

Шаман вдруг расхохотался, и этот звук, как гром в степи, казалось, окутывает со всех сторон, заставляя дрожать и пол под ногами, и сам юрт. В жаровню, перед которой я стояла пошатываясь, полетел пук какой-то травы, отчего весь шатер тут же заволокло сладким дымом. Он не царапал горло, а наоборот, казалось, позволял вдохнуть полной грудью, что я с удовольствием и сделала.

– Дыши, Лисица, дыши. И Расскажи мне, что ты видишь, – голос, на фоне далекого смеха, что все еще звучал в моей голове, скользил по коже, шевелил волосы, обволакивал, как туман, не позволяя спрятаться и отстраниться. Я уже не видела ни шатра, ни двух женщин, что сидели у жаровни, только синее, слепяще-яркое небо, от которого хотелось закрыться руками. Оно было везде, и снизу, и сверху. И были колокольчики на кожаных шнурках, что трепетали от ветра за моей спиной.

– Что ты видишь?

– Я вижу небо, – собственный голос казался далеким, идущим вовсе не из груди, а откуда-то из затылка.

– Какое оно, твое небо?.. – голос баюкал, голос укачивал, но не давал соскользнуть ни в реальность, ни в сон, удерживая на грани.

– Такое, что больно смотреть, – словно в ответ на мои слова, небо вспыхнуло так ярко, что свет резанул по глазам, заставив зажмуриться. Только почти ничего не изменилось, лишь звон в ушах стал громче, вызывая головную боль и тошноту.

Несколько мгновений почти корчась от этих непонятных, невозможных ощущений, жмурясь от солнца, которого не было, я и не заметила, когда все закончилось. Меня накрыла серая тень, словно пряча от ярости небес и грохота колокольчиков. Сумев открыть глаза, я разглядела только длинные бурые перья, что крылом укрывали меня, но я не видела самой птицы. Разглядела другое.

Повернув голову туда, где мне все еще мерещилось присутствие шамана, я увидела вовсе не старика, не завесу из колокольчиков, а совсем еще молодого, полного сил степняка, с длинными черными волосами и темной аккуратной бородой. Выдавали его только глаза, что сейчас не были скрыты за лентами из кожи. Мужчина стоял на том же слепящем небе, что занимало все пространство вокруг, и его глаза даже не щурились от света, когда вокруг меня все пространство было укрыто серой тенью, позволяя видеть то, что скрывало солнце до этого.

– Вот, значит как, – мне казалось, я разгадала какую-то важную тайну, но пока просто не могла собрать верные слова.

– Что ты видишь, девушка? – голосом шамана, шевеля губами, спросил молодой мужчина, что стоял посреди слепящего неба.

– Я вижу тебя, шаман. Вижу, кто прячется под шкурой старика.

Темная бровь моего неожиданного собеседника взлетела вверх. Сделав несколько шагов вперед, мужчина нагнулся к самой тени, что прятала меня от неба, прищурившись и пытаясь рассмотреть. Но это не тронуло затуманенный разум. Заинтересовало меня другое: на ярком небе, там, где прошел шаман, остались следы. Они были похожи на провалы, словно мужчина вырывал часть неба, когда проходил по нему. Это показалось таким неправильным, грубым, что я, пребывая даже в столь странном, задурманенном состоянии, не смогла сдержать возмущение.

– Зачем ты топчешь небо?! – вопрос получился резким, грубым, но, кажется, в таком состоянии я была готова даже ударить этого глупца, что оставлял за собой дыры.

Шаман отступил, а затем широко улыбнулся. Он повел в воздухе рукой, и в ладони тут же оказался странный инструмент, похожий на палку с костями и колокольчиками, прикрепленными к верхушке. Потряхивая рукой, шаман очертил полукруг между нами, словно нарисовал в воздухе арку, и вдруг резко дунул.

В лицо ударил ураганный ветер, заставивший зажмуриться. Меня пыталось опрокинуть на спину, дергало за одежду, но я кое-как умудрялась продолжать стоять, пока порывом не снесло тень, что укрывала меня от солнца. Вот тогда держаться стало невозможно. С одной стороны меня раздирало на куски, а с другой выжигало ярким светом. Я чувствовала, что просто рассыпаюсь.

Не знаю, сколько времени прошло, как долго все это тянулось, но, тяжело дыша, чувствуя, как горит лицо, как пылают ладони, поняла, что лежу на спине, глядя на косой войлочный потолок. Легкие жгло, все тело дрожало, но я никак не могла вспомнить, как оказалась здесь и почему потолок кружится.

– МенгеУнэг? Ты в порядке? – этот голос я знала. Женщина. Она здесь хозяйка. Кто она? Она мать колдуна, что привез меня в улус. Того, что меня спас.

– Да, хатагтай. Я, наверное, упала. Прости мою неуклюжесть, – кое-как сев, я ждала, пока мир вокруг прекратит вращаться.

– Вставай, девушка. Сейчас все пройдет, – повернувшись на мужской скрипучий голос, я уставилась на старика, чье лицо почти полностью было скрыто какими-то висюльками.

– Лекарь?

– Почти, – из-под лент сверкнули в улыбке зубы. Мужчина тяжело, опираясь на кривую палку, поднялся. – Береги ее, Галуу.

– Благодарю, мудрейший, – мать колдуна поднялась со своего места, намереваясь проводить гостя. Я, все еще не в состоянии подняться, переводила взгляд то на одного, то на другую, как мне вдруг показалось, что поверх старческого лица проступает другое, совсем молодое. Тряхнув головой, я прижала пальцы к вискам, желая избавиться от дурноты и странного видения.

Стоило старику с лицом юноши выйти, как ко мне нагнулась Галуу, хозяйка юрта.

– Что ты видела, девушка?

– Я не помню, хатагтай. Я совсем не помню.

Глава 14

В юрт я вернулась совсем разбитой, с больной головой. Сама бы, наверное, даже не добралась до шатра, но ДуЧимэ, ждущая за войлочными стенами, поймала за руку, как только Галуу приказала уйти, махнув рукой. Укрывшись в небольшом шатре девушки, с благодарностью упала на принесенную недавно кровать. Что такого произошло внутри при встрече с шаманом, что мне было так плохо – вспомнить никак не удавалось.

– Отдыхай, – печальная, ДуЧимэ подала мне воды в небольшой чаше. Тонкая рука пригладилась мои волосы, словно девушка хотела поделиться теплом. – Шаман душу смотрит. Потом душа болеть. Спи.

Чувствуя, что я и в самом деле не могу оторвать голову от лоскутного одеда, которым была застлана кровать, только прикрыла глаза. Пусть так. Пока мне ничто не угрожает, пока люди вокруг так ко мне добры, стоит отдохнуть.

Проснувшись я в полумраке. Под войлочным потолком горел всего-то один небольшой масляный светильник, едва рассеивая темноту. По стенам, казалось, блуждали огромные мрачные тени, следящие за мной, но не имеющие возможности поймать. Сейчас, после того, как дневные ощущения после встречи с шаманом немного притупились, я могла более трезво рассматривать ситуацию. Из всего выходило, что я попала не просто в общество людей, что верят в духов, а туда, где граница между двумя мирами почти стерта.

Это немного пугало, так как вся моя прежняя жизнь учила, что стоит остерегаться и не привлекать к себе внимание подобных тонких материй. В монастыре и вовсе запрещалось говорить на подобные темы. А здесь, сидя на кровати, рассматривая пляшущие тени, я почти что видела волчью морду, огромные крылья и головы лошадей. И, куда важнее, чувствовала чужой взгляд.

Только страшно не было совсем.

Поднявшись с постели, потянувшись, я подошла ближе к стене, но тень тут же расплзлась, утратив свои очертания. Стало и немного смешно, и обидно, словно со мной не хотели знакомиться, но в то же время сама мысль казалась такой абсурдной, что и оставалось только пожать плечами.

На столике стояла миска, укрытая вышитой тканью, а рядом кувшин с водой. Взяв из миски лепешку, я вышла из юрта, надеясь найти хоть кого-то из знакомых и узнать, как тут дела с местами уединения.

Здесь все переменялось. Со всех сторон доносились громкие голоса, музыка, что теперь не глушилась стенами юрта, и запах мяса. Горели фонари и факелы, а огромный костер в центре лизал бока не менее внушительной посуды, в которой что-то помешивали огромной же ложкой.

У костра сидели мужчины, в основном богато одетые и громко смеющиеся. Халаты, вышитые яркими нитками, шапки с меховой оторочкой, несмотря на лето, – все это выглядело как лучшие праздничные наряды на моей родине, но в этих местах, казалось, люди не делали разницы, между обычным днем и особенным. Как подтверждение этой мысли, из юрта, навстречу женщинам вышла Галуу, все в том же платье, что я видела сегодня. Только бус и браслетов на хозяйке стало больше. Даже со своего места я слышала, как позвякивает металл на запястьях у степных красавиц, стоило кому-то из них поднять руки в приветствии.

Ночь уже опустилась на степи, так что того жара, что палил днем, не было, а ветер, гуляющий между юрт, и вовсе казался прохладным. Дожевывая свою лепешку, в которую, как оказалось, был завернут солоноватый творог, отряхнув руки от крошек, я обошла юрт, стараясь

не привлекать к себе лишнего внимания. Если не ошибаюсь, по дороге я видела небольшие деревянные домики, очень характерного вида.

Меня поразило, что с наступлением темноты жизнь в лагере, или улусе, не стихала, а наоборот, казалось, только становилась более оживленной. Впрочем, если вспомнить, с какой силой палит солнце в степях днем, это переставало удивлять.

Мимо пронеслось несколько небольших лошадок, едва не снеся меня с ног. С удивлением проследив за всадниками, поняла, что на спинах животных сидят совсем еще малыши, старшему из которых было не больше пяти. В этом мире все было иначе, и мне стоило привыкать, если я хотела иметь возможность жить в относительном комфорте и благополучии.

– Чихэнийбооюмбэ? – Молодой степняк, высокий и широкоплечий, с темными глазами, заступил мне дорогу. Из произнесенного набора звуков я не смогла угадать ни единого сочетания, что мне удалось запомнить с помощью ДуЧимэ. Черная бровь взметнулась вверх, пока мужчина рассматривал меня сверху донизу. Стало немного не по себе, и куда ярче вспыхнуло понимание, что одежда на мне с чужого плеча. Улус в одно мгновение перестал казаться таким уж безопасным местом, стоило разглядеть в полумраке, как неприятно и угрожающе блестят глаза степняка. – Чихэнийбооюмбэ? Дүлий?

– Я не понимаю, – чувствуя, как подрагивают руки, тихо ответила, надеясь, что мужчина все же знает мой язык. Только он либо не знал, либо совсем не собирался облегчать мне задачу. Отчего-то казалось, что просто так уйти мне не разрешат.

Словно в подтверждение, степняк широко оскалился, делая шаг ближе и хватая за локоть. Движения оказались такими быстрыми, стремительными, что я не успела отскочить.

– Пустите! – слова выходили сиплыми, тихими, словно меня держали не за руку, а за горло. Внутри все похолодело, а перед глазами появилось потное, круглое лицо хозяина каравана. Мне совсем не хотелось бы пережить подобный опыт еще раз.

Несколько раз дернувшись, добилась только того, что степняк затащил меня в еще более густую темноту за ближайшим юртом. Впадая в панику, я начала биться в крепких руках, желая выбраться на свет из тени, но сил явно не хватало.

– Багшаа? – степняк нахмурился, перестав смеяться. Теперь меня держали обеими руками, в какой-то момент даже приподняв над землей, от чего я вовсе потеряла связь с реальностью, впадая в истерику. Он говорил что-то еще, теперь тише и медленнее, но слова все равно оставались бессмысленными звуками, ничуть не облегчая ситуацию.

– Отпусти ее, брат, – голос был спокойный, но мне все же почудилась в нем угроза.

– Эргет? Татүүнийгмэддэгүү? – великан поставил притихшую меня на землю, но продолжал держать, видно опасаясь, что сбегу или ударю. А у меня была только одна мысль – скорее оказаться за надежной спиной колдуна, что стоял в размытом световом пятне, создаваемом кострами неподалеку.

– Да, эта девушка из моего юрта. Будет жить с ДуЧимэ, – кивнул Эргет, складывая руки на груди и глядя только на степняка, а не на меня. Пользуясь моментом, я резко дернулась, выкручиваясь из цепкого захвата отвлеченного степняка, и рыбкой метнулась в объятия колдуна. Эргет только и успел, что развести руки, чтобы вовремя поймать меня. – Она здесь первый день. Правил не знает. И языка, – продолжая говорить так, чтобы я могла понять, колдун тем не менее смотрел только на собеседника. Легко проведя ладонью по моей спине, словно успокаивая, Эргет почти тут же отпустил меня из объятий, заводя ладонью себе за спину.

Степняк, что меня поймал, спросил что-то еще на своем грубом, полном резких звуков, языке.

– Не успели, видно, пошить. Я узнаю у матери, – кивнул колдун. Меня поразило, что мужчины разговаривают так спокойно, словно ничего не произошло, хотя мгновение назад мне казалось, что я не смогу уйти с этого места живой и здоровой. Либо мужчины, как это иногда

бывает, станут бить друг друга. Не за право получить меня, а просто для того, чтобы показать, кто сильнее. Как это у них принято.

Между тем, разговор продолжался. Чуть повернув голову, чтобы мне было слышно, Эргет переводил слова, что произносил второй степняк.

– МенгеУнэг, мой друг просит прощения, за то, что напугал. Он хотел только подшутить над рабыней и не знал, что ты так можешь отреагировать,– последовал короткий кивок, словно великан на самом деле сожалел о том, как были восприняты его действия. Помолчав мгновение, колдун продолжил,– Но с другой стороны, раз ты покинула юрт в таком виде, он вполне мог сделать выводы, что хозяева тебя не ценят, и никто не будет против, если мужчина воспользуется рабыней по своей нужде. Тебе очень повезло, что я оказался рядом, хотя обычно не хожу этими путями.

Эргет произнес еще несколько слов, но уже на языке степей, после чего великан кивнул и, развернувшись, словно ничего и не произошло, пошел в сторону одного из костров. Я же, чувствуя, как от пережитого ужаса дрожат ноги, уцепилась за одежду колдуна, все еще прячась за его спиной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.